

ВИКТОР
ЦОКОТА

ЗВЕЗДА БЕССМЕРТИЯ

12+

Виктор Цокота
Звезда бессмертия

«ЛитРес: Самиздат»

1985

Цокота В. Ф.

Звезда бессмертия / В. Ф. Цокота — «ЛитРес: Самиздат», 1985

В приключенческом романе русского советского писателя, живущего на Украине, причудливо переплелись фантастика и реальность, гордость за выдающиеся достижения современной науки и техники — с растущей тревогой за будущее человечества. Один из героев романа — индейский юноша Роберто вместе со своим дедом Фредерико попадает в загадочный тоннель, пробитый глубоко в горах а Южной Америке представителями древней цивилизации. Перед читателем открываются картины прошлого Земли, полной загадок истории развития человеческой культуры. Роман имеет заостренное политическое звучание, призывает к охране природы, защите мира на планете.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	8
ГЛАВА ВТОРАЯ	27
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	45
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Виктор Цокота

Звезда бессмертия

ВИКТОР
ЦОКОТА

РОМАН

Книга первая

Киев
«Радянський письменник»
1985

*Я знаю, что народ мой победит,
Все вольные народы победят.
И высохнут те слезы, что бегут...*
Пабло Неруда

ГЛАВА ПЕРВАЯ

До озера Тотокуку оставался всего один большой переход. Разве время теперь жаловаться на холод, на разбитые колени, истерзанные о колючки и острые камни руки, на голодную тошноту... Роберто привык верить дедушке, а старый Фредерико спокойно и размеренно шел впереди. Час назад, когда Роберто крушил обушком еще один пятиметровый участок едва заметной ледовой тропы, чтобы хоть на час-другой снова – в который уже раз! – задержать возможную погоню, дедушка уверенно сказал ему, что до места спуска на плато, откуда хорошо видно озеро, всего несколько поворотов, и еще до захода солнца они увидят Тотокуку, а также все три древних храма аймара ¹, стоящих на его скалистых островках.

Четырнадцатый день шли они по горным тропам в самом центре Анд, среди грозных скал, снега и льда. Шли к озеру, к трем храмам племени аймара, чтобы узнать наконец их тайну, передаваемую из поколения в поколение немногими избранниками рода, отмеченными незримой печатью племени – орлиным профилем лица, что походил на тень скалы Ау в час заката, и взглядом черных, как агат, глаз, наполненных неукротимым внутренним огнем.

Предания говорили, что именно такой профиль и такой пронизывающий взгляд были у легендарного Тупак-Амару – народного вождя инков, долгие годы возглавлявшего борьбу индейцев против испанских конкистадоров, словно саранча хлынувших на Южноамериканский континент в начале XVI века.

Пять столетий назад!

Фредерико остановился. Тяжело вздохнул.

Знал ли тот далекий Амару тайну аймара?... Тех аймара, что жили на этой щедрой земле еще до инков?

Об этом ведают разве что Солнце да могущественный Виракоча ²...

Старик опустил на колени, прижался лицом к холодным камням и трижды попросил у божества поддержки и прощения.

– О Великий Виракоча, могущественный и солнцеликий! – страстно шептал он. – Помогите мне и внуку моему Роберто дойти до пещеры у подножья величественной скалы Ау! Помогите спуститься сквозь страшную бездну к голубому Тотокуку, испить священной его воды, прикоснуться к ступеням храмов, найти путь к сияющим гротам, к вашему божественному лику!...

Старик тяжело приподнялся, дрожащими руками снял с плеча пончо ³ и вынул из тайника возле разреза старинный амулет. Верх трехгранной зеленовато-золотистой пирамидки венчала фигурка диковинной птицы с человекоподобным лицом, с едва заметной прорезью для цепочки во лбу, а все основание – глянцевое, голубоватое, заполняло изображение странного существа с огромными глазами, полуприкрытого веками, и маленьким ртом. Концы его губ были скорбно опущены, а в глубине глаз, словно живые, мерцали искринки.

Амулет свободно умещался на ладони Фредерико.

Он был почти невесомым и в то же время необыкновенно прочным. В этом Фредерико убедился еще несколько десятилетий назад, когда при выходе из шахты управляющий золотых приисков лично нащупал его в складках пончо молодого шахтера. Видно, подумал: самородок выносит из шахты парень. Фредерико и опомниться не успел, как дюжие руки охранников сорвали с него пончо, подтолкнули к яркому костру, что пылал у входа в шахту.

– Золото красть! – заорал управляющий.

---

¹ [1] Аймара – одно из индейских племен, населяющих земли Южной Америки.

² [2] Виракоча – божество, которому поклонялись индейские племена.

³ [3] Пончо – домотканое одеяло с разрезом посередине, чтобы можно было через голову накинуть его на плечи.

И тут же замолчал, удивленно разглядывая диковинный, почти невесомый амулет, тускло поблескивавший на его ладони.

– Что это? – строго спросил у Фредерико. – Где украл?

Два последних слова словно бич хлестнули парня.

Но он сдержался. Ответил тихо, с достоинством:

– Это печать Тупак-Амару, моего далекого предка.

Управляющий засмеялся ему в лицо.

– Ну-ка, посмотрим, что там внутри.

Вынув из ножен стальной клинок, он стал скоблить глянцевую поверхность пирамидки, стараясь кончиком остро отточенного ножа сковырнуть глаза незнакомого существа. Но амулет не поддавался. Ни единой царапины не появилось на его гранях.

Вконец обозленный, креол⁴ с силой швырнул амулет о камни, а потом, выхватив у одного из рабочих тяжелый горняцкий обушок, в дикой злобе принялся колотить им по, казалось, хрупкой вещице.

Вокруг собралась толпа. Лицо взбесившегося гачупина⁵ покрылось потом. Вдруг он разогнулся, поднял амулет, поднес его к лицу и...

Фредерико может поклясться всеми богами, что в этот момент кончики губ изображенного на нем незнакомого существа поднялись вверх, застыв на миг в загадочной улыбке, а из огромных, широко раскрытых глаз прямо в лицо управляющего ударил сноп голубых лучей.

Дико вскрикнув, гачупин изо всей силы швырнул амулет в ярко горевший костер. Словно пьяный, даже не взглянув на Фредерико, побрел он в темноту, тихо бормоча себе под нос что-то невнятное.

Рабочие скоро разошлись. А Фредерико остался у костра, надеясь утром найти в остывшей золе хоть какие-нибудь остатки священного амулета. Он был дорог ему как память о деду – отце его матери. Старый, почти девяностолетний Таау Кондорканки – правнук сына Хуана Кондорканки – два года назад повел его в горы. Фредерико тогда было восемнадцать лет. Но он и теперь хорошо помнил давно нехоженную тропу, по которой две недели шли они с дедом Таау к озеру Тотокуку.

... Дед слабел с каждым днем – годы брали свое. А тут еще лютый буран на целую неделю прервал их путь. Кончились запасы пищи. Простуженный, замерзающий, дед все чаще впадал в беспамятство.

На восьмой день бурана он с рассветом пришел в себя. Обвел взглядом маленькую темную пещеру, где спрятались они от непогоды, позвал Фредерико к себе.

– Буран кончается, мой мальчик, но мне, как когда-то и моему прадеду, уже не выйти из этой пещеры, – тихо сказал он. – И тебе одному без пищи и огня не дойти до скалы Ау. Но ты обязательно должен еще раз попробовать дойти до нее. С сыном или внуком. Одно горы просто не примут тебя. И никто никогда не раскроет тайны аймара. А она очень нужна людям. Простым людям, как мы с тобой. Потому что должна принести им счастье. Так говорит старая легенда нашего рода...

Таау поднял правую руку и долго искал что-то в складках своего старенького пончо.

– Вот, – протянул он внуку раскрытую, скрюченную годами и тяжелой работой ладонь, на которой тускло блеснуло что-то зеленовато-желтое, – вот, возьми себе этот амулет. Правда, может быть, это и не амулет вовсе... Мать Эдувихеса, сына Хуана Кондорканки, сказала, что это ключ, открывающий путь в горы... Послушай легенду.

Старик помолчал, не то подбирая слова, то ли собираясь с мыслями, а может быть, просто копя силы для последнего напутствия внуку.

---

⁴ [4] Креол – потомок испанских конкистадоров.

⁵ [5] Гачупин – презрительная кличка испанцев и креолов (мексиканок.).

– Эдувихес, – наконец тихо произнес он, – сын Хуана Кондорканки, от которого идет наш род. Больше двух веков прошло с тех пор, когда он, молодой индейский вождь, возглавил восстание инков против креолов, приняв имя Тупак-Амару – своего далекого прадеда – вождя тех, кто долгие годы самоотверженно боролся против первых морских пришельцев. Как и у первого Тупак-Амару, у Хуана было много золота, драгоценных камней. Он быстро сумел вооружить свою огромную армию холодным и огнестрельным оружием, купленным у врагов. И эта армия погнала креолов не только с верховьев Анд, но и со средних плато, оттеснила из многих долин, прижала к морю...

А потом случилось непоправимое, – после небольшой паузы свистящим шепотом продолжал Таау. – Шестеро его бывших друзей-единомышленников, его братья по крови, его соплеменники, эти исчадия ада, в одной из тайных пещер Хуана неподалеку от скалы Ау потребовали, чтобы он разделил с ними власть, раскрыл им тайну племени, показал вход к несметным сокровищам, при одном упоминании о которых руки предателей начинали дрожать, а глаза загорались алчным огнем.

Три дня и три ночи продолжался спор. Жена Хуана – Анита с только что родившимся здесь же, в пещере, Эдувихесом была тогда рядом с мужем. Она слышала его гневные слова, обращенные к бывшим товарищам. Он доказывал, что сокровища аймара принадлежат всем людям земли, что право на них еще надо добыть в честном бою, в борьбе с людскими пороками, с ненасытной жадностью и властолюбием.

Хуан говорил, что все люди на земле равны, что каждый человек имеет право на свободу и счастье, вольный труд и обеспеченную старость.

Но зерна разума, – едва слышно продолжал свой рассказ Таау, – уже не находили благодатной почвы в головах, ослепленных блеском дьявольского металла, слепой жадной повелевать... Бывшие друзья решили разделить между собой хранящиеся здесь, в пещере, сокровища, а своего вожака выдать гачупинам, которые обещали за голову Хуана не только прощение и свободу, но и огромное вознаграждение, большие наделы земли, власть над своими же соплеменниками.

Анита видела, как предатели накрепко приковали руки и ноги ее мужа тяжелыми цепями к огромным колодам. До рассвета оставалось еще два часа, и бывшие соратники в знак особой милости разрешили жене с младенцем побыть возле Хуана.

– Еще не поздно, – сказал один из них, – может быть, до восхода солнца ты его образумишь...

Но Хуан не слышал заклинаний жены, не видел ее слез.

– Для меня все кончено, – только раз и сказал он. – Все. Что-то в эти дни я сделал не так... И вообще что-то нарушил, а возможно, просто не той дорогой пошел во всей нашей борьбе... Видно, ошибся, как и тот, далекий Тупак-Амару...

Он долго молчал, прижавшись головой к вздрагивающему от рыданий плечу Аниты. И вдруг зашептал страстно, призывно, и глаза его сверкали в полутьме, словно раскаленные угли.

– Нет, я не раскрою им того, что знаю. Пусть умер от рук таких же предателей три столетия назад гордый и грозный Тупак-Амару. Пусть умрет от этих подлых рук сын Вольного Орла – Хуан Кондорканки. Но ни под какими пытками не раскроет он своим убийцам тайны гор. Потому что знает – не умрет гордое племя аймара. Оно сохранит эту тайну и через три, через пять поколений отыщет путь к счастью людей.

Он потянулся всем телом вперед, к большой груде камней у входа:

– Анита, – позвал шепотом. – Теперь не время плакать, утри слезы... Вон там, под камнями, лежит печать Тупак-Амару. Это – ключ к тайне племени. Я спрятал ее здесь три дня назад, надеясь образумить товарищей. Но ты сама видела – зло и на этот раз победило добро. Я не могу уйти с тобой, а тебе не под силу спасти меня. Но я еще могу помочь тебе и нашему малышу. Еще есть надежда спасти, сохранить священную тайну.

И опять он всем телом потянулся к камням.

– Скорее бери амулет! Одень его на шею нашему Эдувихесу и смело беги с ним вперед, прямо на каменную стену, на эти грозные скалы. Заклинаю тебя всеми богами, торопись, потому что за мною уже идут...

Несколько секунд он прислушивался к тяжелым шагам в глубине пещеры. Потом снова зашептал ей:

– Помни, родная, назад пути нет. Только вперед! И дорогу надо выбирать одну-единственную. Одна из них ведет к самой сокровенной тайне Анд, к тайне аймара. Прямо отсюда, из пещеры. Другая – с запада, от океана, с того места, где скалы круто обрываются в море. Третья – от одного из древних храмов аймара на озере Тотокуку. Есть, наверное, и другие дороги, но вам можно пройти только по одной и только один раз... И не пугайся, если кого-нибудь встретишь там, внутри гор... Это может быть только друг... Идти нужно с любовью и миром в сердце. Пусть передаст это сын своим детям, внукам и правнукам, пусть научит их любить людей, наполнит их сердца добром... Беги! Да хранят вас боги!

Словно в тумане, мелькали перед глазами Аниты эти последние мгновения с мужем.

Повинуясь его голосу, она быстро одела на тоненькую шейку ребенка цепочку с амулетом и, подхватив на руки сына, стремительно бросилась прямо на базальтовую скалу. “Чему быть – того не миновать!” – подумала.

По-своему истолковав последнюю волю мужа, Анита решила не даваться в руки врагов, погибнуть вместе с сыном. Но скала вдруг мягко отодвинулась, поднялась вверх, открывая широкий светлый проход, а через мгновение сомкнулась за ними, отрезав путь разъяренным преследователям.

Анита уже не слышала их проклятий, их отвратительной брани. С ребенком на руках она точно слепая шла по широкому светлому тоннелю. Убитая горем, она не знала, куда и зачем идет.

Хуана Кондорканки или, как он себя тогда называл, Тупак-Амару Второго враги долго пытали, стараясь вырвать у него тайну Анд, а затем, ничего не добившись, четвертовали, – продолжал свой рассказ Таау. Стаей ненасытных койотов набросились проклятые гачупины на наши горы. С каждым месяцем их прибывало все больше. Вооруженные ружьями и пушками, закованные в броню, жадной толпой сходили они на наш берег со своих каравелл и, словно одержимые, рвались в горы, превращая в рабов наших соплеменников, заставляя их дробить скалы, прокладывать дороги и тоннели. Аймара, как и люди других племен, гибли тысячами. От болезней, голода и холода, от непосильной работы. Страна наша превратилась в нищую, бесправную рабыню, сидящую на золотой скамье.

Старик тяжело вздохнул.

– Нет, нет! – торопливо зашептал он, поняв немой вопрос Фредерико. – Ненавистные гринго ⁶ так и не узнали тайны аймара, не пробились к главным сокровищам, спрятанным в нашей земле.

– А как же тайна племени? Что ты знаешь о ней? – несмело спросил Фредерико. – И что это за амулет? – дотронулся он до лежащей на ладони деда золотистой пирамидки с цепочкой, протодетой через едва заметное отверстие во лбу человекоподобной птицы.

Таау долго молчал. Потом медленно, с трудом приподнялся на своем неудобном ложе.

– Слушай, что дальше говорит легенда... Жена Хуана Кондорканки – Анита рассказала своему сыну Эдувихесу, который является моим прадедом, что в тот страшный рассвет, когда она, повинуясь горячей просьбе закованного в цепи мужа, одела на шею сына амулет и бросилась с младенцем на скалу, решив погибнуть, но не остаться в руках врагов, скалы действительно расступились перед ней. Анита смутно помнит, что было дальше, сколько времени она

---

⁶ [6] Гринго – здесь – белые пришельцы, завоеватели.

брела с ребенком на руках по бесконечному сверкающему тоннелю, как заходила в огромные залы, заполненные совершенно непонятными ей машинами и вещами...

Все это походило на бред, от которого Анита пришла в себя в древнем храме аймара на скалистом островке озера Тотокуку. В карманах своей одежды она с изумлением обнаружила добрый десяток пригоршней невиданно крупных драгоценных камней и тяжелую, хоть и небольшую – величиной с ладонь – отлитую из золота фигурку человекоподобной птицы – точно такой же, какая венчала головку пирамидки, одетой на шею Эдувихесу.

Жрецы храма не знали, как она к ним попала. Анита отдала им все драгоценности, и они разрешили ей с ребенком остаться у них, гарантируя молчание, уход и полный покой. И ей, и младенцу, с шеи которого она так и не сняла амулет Тупак-Амару.

Почти три десятилетия провела Анита с сыном в древнем храме аймара. А в день, когда Эдувихесу исполнилось двадцать лет, она рассказала ему об отце и обо всем, что сохранила ее память. Много раз поднимался Эдувихес в горы. Неоднократно был в пещере. Видел, как ненавистные гринго, креолы и другие грабители его земли пытались пробить в этих скалах хотя бы маленький шурф, чтобы с помощью мандингова ⁷ зелья, которое гринго называют порохом, разнести на куски их родные горы. Однако камни здесь, в пещере у скалы Ау, были крепче стали. На почерневших от времени глыбах, на древних ее стенах и сводах не оставалось даже царапины, сколько их ни старались молотить самые умелые шахтеры. Только искры сыпались от горячих обушков... Как ни бесились гринго, а в конце концов отступились от пещеры.

После их ухода он нашел в одном из ответвлений большие колоды, к которым в ту страшную ночь – ночь после его рождения – был прикован тяжелыми цепями его отец Хуан Кондорканки. Но безмолвными были камни вокруг. И губы странного существа на печати Тупак-Амару застыли в скорбной печали, а огромные глаза его были закрыты, сколько ни вглядывался он в них.

И тогда понял Эдувихес, что если в рассказе его матери есть хотя бы частица правды об удивительном их спасении, если горы действительно расступились и укрыли их, если, по словам отца, дорога к их тайне может раскрыться только для двоих, то амулет не посвятит его в свою тайну до тех пор, пока не придет он сюда вдвоем с самым близким, с самым родным человеком – его сыном, внуком или правнуком.

Похоронив мать, Эдувихес отказался от сана жреца, к которому почти тридцать лет его готовили хозяева храма, и отправился на родное плато. Там родились и выросли его отец и мать. И он чувствовал всем существом своим, что именно там, на родном плато, среди аймара должен он продолжить род отца своего Хуана Кондорканки, род великого и славного его предка Тупак-Амару. Он знал, что делать. Нанявшись батраком на кукурузные и картофельные плантации не очень богатого пожилого креола, Эдувихес вскоре женился на такой же, как и сам, сироте-батрачке Хулиане, отец которой был из племени аймара. Он работал на серебряном руднике и погиб от обвала, когда девочке было двенадцать лет.

Видя трудолюбие, послушание и удивительную честность Эдувихеса, хозяин выделил молодой паре под своеобразную аренду отдельный участок земли на плато и необходимый инвентарь. Почти весь выращенный и собранный урожай они должны были отдавать хозяину, оставляя себе лишь немного картофеля и кукурузы на пропитание. В свободное от полевых работ время оба должны были трудиться на скотном дворе. О своем жилье им нужно было позаботиться самим.

Эдувихес был в восторге. О таком счастье он и не мечтал. Весь зимний период, освободившись от работы на скотном дворе, он таскал на свой участок тяжелые валуны, складывал их один к одному, обмазывал замешанной на навозе глиной, подсыпал быстро растущие стены с наружной стороны землей. За крышей пришлось спускаться далеко в долину, в сельву. В лесу

---

⁷ [7] Мандинг – черт, дьявол (*инд.*).

вместе с двумя товарищами, согласившимися ему помочь, и Хулианой нарубили они сотню стройных бамбуковых стволов и на себе принесли их к дому. Его отрезки нужных размеров – продольные и поперечные – ловко переплели, подняли на стены дома, укрепили и залили жидко замешанной глиной.

Дом был готов. Надежный, прочный, уютный. Свой дом! В стужу его прочные толстые стены укроют от лютого холода, в зной дадут желанную прохладу. Здесь, в нагорье, на высоте около четырех тысяч метров над уровнем моря, это очень важно. Ведь почти каждый день здесь меняются все четыре времени года: утром вместе с ласковым теплым солнцем на плато приходит весна, в полдень наступает знойное тропическое лето, к вечеру вместе с моросющимися тучами и туманами крадется с горных вершин и ледниковых ущелий зябкая осень, а ночью лютует зимняя стужа.

Нашлось в доме место и для очага, и для нехитрой кухонной утвари Хулианы, и для гостей, которые нет-нет да и заглянут на огонек к молодой дружной паре, И, конечно же, хватит в нем места для желанных детей...

В этом доме родился внук Хуана Кондорканки – Педро. До этого Хулиана родила двух дочерей – Аниту и Чону. Но ни Педро, ни затем его сын Хесус внешне даже отдаленно не походили на великого Тупак-Амару...

Голос Таау был едва слышен. Старик закрыл глаза и замер, к чему-то прислушиваясь. Фредерико испуганно склонился над ним, взял его холодные руки в свои.

– Нет, это еще не за мной, – почти беззвучно прошептал, как бы сам себе, старый Таау и снова медленно раскрыл глаза. – Ты слушаешь, мой мальчик?... Так вот, последний ребенок Эдувихеса и Хулианы Хесус Кондорканки – был мой отец... Когда я появился на свет, прадеду моему, Эдувихесу, исполнилось уже семьдесят семь лет. Это много, очень много для индейца, изнуренного тяжелой работой. Эдувихес после моего рождения как-то сразу воспрянул духом, помолодел, глаза его засверкали, словно у юноши... Днем и ночью просиживал он у моей колыбели, пестовал, лелеял, пел бесконечные песни, ласковые и нежные. Он научил меня любить наши горы, песни, небо. Научил без промаха стрелять из лука и ружья, спать на голых камнях и умываться снегом. Он научил меня любить жизнь и свободу, свой народ и быть готовым умереть за его счастье.

Он сам дал мне имя – Таау. Скрытый смысл его я понял значительно позже, здесь, именно в этой пещере. Таау – сокращенно Тупак-Амару и название скалы Ау. Не удивляйся, Фредерико. Видно, такова наша судьба, предначертанная нам свыше могущественным Виракочей... Когда мне исполнилось двадцать, Эдувихес повел меня к пещере у скалы Ау... Лютый ураган застиг нас в пути. Мы нашли свое убежище в этой пещере, и именно здесь поведал мне перед смертью Эдувихес все, что я тебе рассказал сейчас. Здесь я и похоронил его. Сегодня, когда пробьет мой последний час, посади меня рядом с ним... Вон там, в дальнем углу пещеры, за двумя обломками скал...

Я сказал тебе все, что знал. У меня не было сына. Жена моя Анна родила мне только дочь Иссайю, оставив нас одних... Ты знаешь, мальчик мой, аймара вторично не женятся, и я не мог нарушить этот древний обычай. Я жил с дочерью, пока не пришла ее весна. Отца твоего Теренсио Парамо совсем молодым коварные гачупины силой угнали на свинцовые рудники. Иссайя пошла вместе с ним. Нужно ли рассказывать об их муках? Ты ведь и сам знаешь, сколько лет выдерживают люди на свинцовых... Через четыре года они оба умерли там. А тебя, двухлетнего, привезли ко мне добрые люди. Это было огромное счастье, мой мальчик...

Я с радостью отдал тебе за эти годы все, что мог.

А теперь рассказал все, что должен был рассказать.

И сейчас я передаю тебе эту печать и свое любящее сердце... Ты слышишь, мальчик мой, оно остановилось...

Фредерико вздрогнул, зябко повел плечами. Утренний холод пробивался через старое пончо. На востоке серело. Костер давно погас. Даже зола остыла.

Нет! Этого не может быть!

Фредерико вскочил на ноги. Сделал вперед шаг, второй, третий. Из центра потухшего костра прямо на него смотрели, успокаивая, широко, открытые большие голубые глаза удивительного существа, в глубине которых, словно живые, сверкали веселые искринки.

Юноша решительно ступил прямо в золу. Бережно поднял амулет. Он был цел и невредим. Только цепочка исчезла. Фредерико спрятал золотистую пирамидку на груди и быстро пошел прочь от шахты.

Он даже не вернулся за расчетом. Нужно было выполнять завет старого Таау.

...С тех пор прошло более пятидесяти лет. Старый Фредерико Парамо с непонятной грустью смотрел на амулет, лежащий у него на ладони. Он все еще верил в него, верил в тайну аймара, до разгадки которой оставалось, может быть, всего несколько поворотов узкой ледяной тропы...

Нет, это был уже далеко не тот Фредерико, который, затаив дыхание, боясь пропустить хоть одно слово, слушал в промерзшей насквозь пещере рассказ умирающего Таау. Это был познавший полную меру трудовой жизни человек, лелеявший долгие годы мечту о счастье, завещанную ему правнуком Хуана Кондорканки – непобежденным наследником и приемником грозного имени и бессмертной славы великого и мудрого вождя индейцев Тупак-Амару...

Как все-таки похож на него Роберто! И лицо, и глаза! Только ростом он далеко обошел и обоих Амару, и Таау, и самого Фредерико, и даже отца своего Лубеаниса.

А ведь его называли великаном – больше двух метров сын был ростом. Широкоплечий, могучий, сильный... Роберто и его перерос. Да теперь они, пожалуй, все такие. И молодые аймара, и кечуа, и пано, как и молодежь других индейских племен.

Два десятка лет назад Фредерико со своим сыном отцом Роберто – Лубеанисом пошел через снежные перевалы к Великому Океану в надежде там, на самой границе Чоло и Пареро, где километровые уступы скалистых громад отвесно спускаются прямо в воду, найти путь к подземным дворцам, хранящим многие века тайну аймара. К озеру Тотокуку он идти не хотел мешал какой-то внутренний голос, навсегда запомнившиеся окаменевшие лица двух стариков – Эдувихеса и Таау, оставленные под тяжелыми кусками гранита в углу промерзшей насквозь пещерки.

...Фредерико хорошо помнит большую войну. Он работал тогда рудоносом на медных рудниках, а потом грузил вагоны, сопровождал и разгружал их в морском порту. Многим аймара и другим индейцам довелось тогда спускаться с родных гор, побывать в больших городах, увидеть поезда, корабли, автомобили, высокие дома, тесно заполненные белыми гринго... Именно тогда наконец стал понимать Фредерико заветные слова Хуана Кондорканки, сказанные им жене перед вечной разлукой. Да, да... Эти белые гринго были вовсе не ранчеро, не гачупины. Как аймара, как другие краснокожие и негры, они таскали на себе тяжелые кули с рудой и прочим грузом, ели с ними из одних котелков такую же постную похлебку. Видел Фредерико и других бледнолицых, которых все называли красными братьями. В темном, заполненном сотнями людей зале смотрел Фредерико удивительные живые картины, рассказывающие о большой войне, о невиданном героизме далеких бледнолицых братьев, защищавших свою землю, свою свободу, своих родных и близких от озверевших врагов.

Русские тогда разгромили фашизм. В том памятном году Фредерико нашел свою Дамиану. А потом у них появился сын Лубеанис. Удивительно счастливое было время. Край ацтеков и аймара, край инков и майя, край целой плеяды героев многовековой борьбы за освобождение от чужеземного владычества – Куатемока, Манко, Тупак-Амару, Кондорканки, Кауполикана, Лаутаро, Симона Боливара, Хосе Марти и многих других бессмертных имен обрел, казалось,

долгожданную свободу. Исчезали колонии и доминионы. Государство за государством обретали самостоятельность. Даже надменные гринго – и те стали как будто бы мягче.

Но не минуло и десяти лет после большой кровопролитной войны, как в их родной Пареро, да и в соседних странах появились, словно черви после дождя, новые фашисты. Безусые молодчики – сынки богатых креолов, сначала забавы ради, одели коричневую фашистскую форму со зловещей свастикой на рукавах вытуженных мундиров. Нашлись и такие, кто не только восторженно аплодировал новоявленным проповедникам борьбы за чистоту “высшей расы”, но и всеми дозволенными и недозволенными средствами активно способствовал росту их рядов. Откуда-то всплыли на поверхность недобитые прихвостни бесноватого фюрера, нашедшие себе приют в странах Нового Света, вешатели, убийцы, палачи, чьи руки обогреты кровью тысяч и тысяч ни в чем неповинных людей.

Из тайных сейфов и складов для “забав” возродившихся на черной ниве мракобесья ультравандалов и проповедников шовинизма щедро потекло золото, добытое когда-то путем массовых грабежей, насилий и убийств, путем уничтожения целых народов, а также оружие – старое, припрятанное “на всякий случай”, и новейшее.

И новоявленные “наци” распоясались. Митинги и веселые пирушки сменились драками, массовыми избиениями индейцев и других коренных жителей. Дальше – больше: зверские убийства, поджоги, взрывы бомб, грабежи и насилие. И, наконец, прямые вооруженные выступления против народных правительств, убийства президентов, расправа с патриотами, захват власти путем переворотов и последующего массового террора.

Вот почему их путь к океану два десятилетия назад окончился трагической смертью сына. Схваченный в горах головорезами диктатора Чоло, Лубеанис был обвинен в шпионаже, в попытке подорвать устои государства и в тот же день без суда и следствия расстрелян на глазах отца. Роберто было тогда всего два месяца.

Все эти годы Фредерико как мог помогал Секстине растить детей. У Роберто были две старшие сестренки-близнецы – Мадлен и Дийяда, и одной невестке ни за что не поднять бы всех троих на ноги. Фредерико был им и любящим дедом, и кормильцем-отцом одновременно. Пока позволяли здоровье и прихоть хозяев, он работал машинистом подъемной машины на руднике, потом много лет пас овец и лам индейской общины, что арендовала земли у ранчеро в западной части плато. Все до последнего сентаво⁸ отдавал Секстине, сам довольствуясь совсем немногим и в пище, и в одежде. Дома в больших картонных ящиках из-под пива разводил и выращивал морских свинок, в чем ему с явным удовольствием помогали и Роберто, и девочки. Вместе с подросшим внуком пасли они хозяйский скот, а в болотистых озерцах долин ловили проворных коипу, которых гринго называют нутриями. Они охотно покупали свинок и мягкие шкурки коипу. Именно вырученные за зверьков деньги дали возможность купить для десятилетнего Роберто форменную одежду, необходимые книги, пособия и заплатить за два года учения в начальной школе, открытой сравнительно недавно в поселке, который еще в годы большой войны разросся здесь же, на плато, неподалеку от медного рудника.

Роберто очень быстро выучился читать и писать по-испански, охотно рассказывал деду, матери и сестрам о разных новостях в своей стране и во всем мире, о которых писалось в газетах и журналах. И как-то сразу расширились горизонты их плато, сжатого со всех сторон седыми вершинами Анд. Фредерико узнавал о жизни в долинах и на далеком побережье. Снова услышал он забытые уже, но очень знакомые названия городов, где довелось ему побывать в годы большой войны. Лима, Андауайлас, Куско, Икитос, Мольендо... Где-то там, южнее Мольендо, высоко в горах, отвесные утесы которых шагают прямо в Великий Океан, схоронил он два десятилетия назад своего Лубеаниса. И не схоронил даже – просто завалил грудой тяжелых камней, так как нечем было вырыть могилу в вечно мерзлой каменистой земле.

---

⁸ [8] Сентаво – мелкая разменная монета.

От внука впервые услышал старый Фредерико удивительно звучные, наполненные большим смыслом слова “спутник”, “космос”, “лунник”. От него же узнал имена первопроходцев вселенной – космонавтов и астронавтов. С сомнением поглядывал он теперь иногда на старинный амулет аймара: не выдумка ли это все? Но потом отрицательно качал головой. Нет! Видел же он, как светились большие глаза незнакомого существа, как не сгорела в жарком пламени костра золотистая пирамидка. Вот еще лет пять, и подрастет Роберто. Пробьет тогда их час, и отправятся они с внуком в горы, к самым вершинам снежных Анд, к таинственной пещере у скалы Ау.

Он, конечно, наступит – звездный час племени аймара, час победы простых людей всей земли. Потому что хоть и называлась их многострадальная родина Пареро вот уже полтора столетия свободной республикой, а мало что изменилось здесь со времен испанских конкистадоров и португальских захватчиков. Правда, ушли с родной земли чужеземцы, но остались креолы – потомки первых поработителей, остались ненавистные гачупины, которым принадлежат и земли, и пастбища, и горы, и все, что скрывают в своих недрах: олово, медь, железо, уголь, золото, серебро, нефть, свинец... Даже гуано – горы помета миллионов птиц, выросшие за тысячелетия на скалистых берегах Великого океана, – даже оно принадлежало гачупинам. И они вывозили его из страны на кораблях, набивая карманы песо, крузейро, кетсалями, эскудо, долларами, фунтами, франками, марками и другой ходовой валютой.

Они жили в роскошных виллах на западном побережье, не утруждая себя даже обязанностью хозяйничать в своих обширных поместьях, назначая туда жестоких, бесчеловечных управляющих. Гачупины летали самолетами развезаться за океан, ездили в красавцах автомобилях, а аймара и кечуа, как и много столетий назад, возделывали каменистую землю предгорий и горных плато деревянной сохой и заступом. Страна оставалась голой, как нищий, и дети индейцев не могли учиться, хотя тянулись к знаниям.

Вот и Роберто всего два года ходил в школу. Едва исполнилось мальчишке тринадцать, пошел на рудник откатчиком. Фредерико хорошо знал, чего стоили пареньку ежедневные двенадцать часов каторжного труда под землей. И все же Роберто выкраивал время для книг.

Да, он заметно изменился за последнее время. Стал высокий, широкоплечий, какой-то уверенный в себе. Товарищи на работе с ним считаются, уважают. И не только безусая молодежь, но и взрослые горняки. Ему уже исполнилось восемнадцать. Был он общительный, веселый, жизнерадостный, добрый к друзьям и сестренкам. А сами девчушки! Когда только и успели! Из тоненьких черномазых птенцов в один год они как-то сразу превратились в двух грациозных красавиц, полюбоваться на которых приходили даже парни из долины. И к одной, и к другой по несколько раз уже засылали сватов, парни за ними табунами ходили, но девушки не торопились расстаться с родным домом.

С Роберто Мадлен и Дийяда были неразлучны. И когда случалось им с подругами в свободный вечерок пойти в поселок на танцы, всегда звали его с собой. Роберто охотно сопровождал сестер, хотя сам никогда не танцевал – стеснялся. Обычно он усаживался где-нибудь в уютном уголке и наблюдал за танцующими, либо вырезал ножом из дерева забавные фигурки индейских вождей и воинов, древних божков, различных зверей и птиц.

Но в то злополучное воскресенье Роберто с сестрами не пошел в поселок. Куда-то запропастилась давняя любимица всей семьи бурая лама, которую они вместе с дедом три года назад буквально вырвали из волчьих зубов. Животное быстро привыкло к людям, послушно таскало с поля стофунтовые выюки с картофелем и кукурузой.

Ему было бы очень жаль, если бы прирученная милая, доверчивая Косо, как ласково называл ламу Фредерико, снова попала в зубы волкам или самому ирбису – снежному леопарду, которые частенько навещают с гор на плато.

Ламу он привел домой очень скоро. Да не одну, а с приплодом – маленьким бурым пушистым комочком.

Косо и ее детеныша нашел он в густых зарослях чапарралья⁹ над речушкой, что протекала сразу за их арендным участком. А еще через час вся в слезах прибежала из поселка Дийяда.

– Мадлен увезли! – крикнула она прямо с порога.

– Куда увезли, кто? – не понял сначала Роберто.

– Хосе Риго и его дружки – пистолеро¹⁰ его отца, – всхлипывая, говорила Дийяда. – Ты знаешь его. Сын управляющего рудником. Они в долине, в большой усадьбе хозяина живут. А возле дороги на плато у Хосе охотничий домик... Он уже трижды приходил на танцы в поселок. А сегодня почему-то на лошади приехал. И два его приятеля с ним – Мигель и Торибио...

– Но при чем здесь Мадлен?

– Так он же из-за нее и приходил на танцы. Понравилась... А сегодня взял и увез... Насильно.

– Как это произошло, когда? – допытывался Роберто. – Да перестань ты наконец реветь, объясни толком!

– Минут двадцать назад, – подавив рыдания, всхлипнула Дийяда. – Хосе, как приехал, сразу к Мадлен подошел, пригласил на первый танец. Ребят-то наших не было еще. При них он не решался. А сегодня прямо с коня – и к ней. Мадлен танцевать с ним отказалась. Сказала, что еще в прошлое воскресенье Луису первый танец пообещала.

– Что же было дальше, не тяни!

– Да ничего такого... Он спокойно так отошел, даже песенку какую-то напевал. Подошел к своим дружкам-пистолеро, минут десять о чем-то шептался с ними, а потом отозвал Мадлен в сторонку. Вопросик один, говорит, деликатный имеется...

Мигель, дружок его, мне про новый фильм что-то стал плести, а я вдруг слышу – крик. Мадлен на помощь зовет. И сразу – конский топот. Мигеля словно ветром сдуло. Только тут я сообразила, что к чему... Выскочила на дорогу. Вижу – Хосе коня нахлестывает, к нижней широкой тропе несется. Поперек его седла Мадлен лежит... Я закричала, ребята из оркестра, побросав барабаны и бубны, ко мне спешат, а из кустарника – выстрелы. Это дружки его – Мигель и Торибио.

– Не суйтесь, – кричат, – иначе всех перестреляем! Ничего с вашей краснокожей не случится. Еще и довольна останется...

– Надо скорее что-то делать, Роберто! – с надеждой посмотрела она на брата. – Скорее! Если он довезет Мадлен до своего охотничьего домика, все пропало! Мадлен не перенесет позора... Ты ведь знаешь, сколько там эти мерзавцы наших девушек уже погубили...

И Дийяда зарыдала.

“До сыпучего ущелья, где охотничий домик, на коне можно добраться только широкой тропой, в объезд террас и скалистого отрога плато. Это займет у Хосе Риго и его дружков не меньше двух часов, – быстро соображал Роберто, одевая на ноги толстые шерстяные носки и мокасины. – А если спуститься на канатах через террасы и потом прямо по скальному отрогу – хватит часа, даже сорока минут. Значит, успею опередить, встретить их еще на тропе перед сыпучим ущельем. Только бы успеть засветло! Там, в долине, темнеет гораздо раньше...”

– Пожалуйста, успокойся, Дийяда, я догоню их.

С Мадлен ничего не случится... Ты не теряй времени, сестренка, беги в поселок и передай ребятам, чтобы преследовали их широкой тропой. Неотступно! Чтоб не свернули куда-нибудь. А мы с дедом – напрямик!

Он забежал в сарайчик, где Фредерико устраивал мягкую постельку для детеныша Косо.

– Захвати все три больших кордовых каната, дедушка, и пошли к террасам. По дороге я тебе все объясню.

---

⁹ [9] Чапарраль – род колючего кустарника.

¹⁰ [10] Пистолеро – вооруженный наемный телохранитель.

– Но у нас, Роберто, только два каната, – растерянно сказал Фредерико. – Один еще в пятницу одолжил у меня Морелос. Мы же не собирались в горы на этой неделе... Вот я и дал. Может, сходить к нему? Он наверняка уже дома.

– Времени нет. Обойдемся и двумя. Просто ты сбросишь мне конец первого, когда я спущусь с верхней террасы. А потом возвращайся домой и успокой маму.

Они шли быстро. Дед ничего не спросил у внука.

Знал: зря парень не волновался бы так. А когда услышал от Роберто, что случилось с Мадлен, молча ускорил шаг. И только у самого края плато, где начинался гигантский уступ первой террасы, взял его за руку повыше локтя и тихо, но твердо сказал:

– Будь осторожен, Роберто. Они коварны. И постарайся как следует проучить негодяев. Не только за свою сестру. За всех наших обесчещенных девушек.

Роберто не ответил. Слова здесь были лишними.

Ловко обвязав концом корда обломок огромного валуна, он сбросил второй, свободный, конец в бездну.

Нет, не зря сотни раз водил его дед в горы, учил взбираться по отвесным стенам гранитных и базальтовых скал. Индейцы вообще не боятся высоты. Это у них в крови. Но ловкости и сноровке в этом трудном деле Роберто мог позавидовать любой из них.

Три широкие двухсотметровые террасы охватывали плато с севера и тянулись на многие километры, словно три гигантских ступеньки, каждая высотой почти в полтора метра. Ниже, под ними, на добрый километр – новые нагромождения огромных гранитных и базальтовых глыб. Если смотреть снизу, с долины, кажется, что какой-то великан-строитель начал сооружать ступеньки от плато к долине. Вырубил три и бросил, свалив камни вниз, под гору... Слева терраса прерывалась сыпучим длинным ущельем. Оно называлось так, потому что едва кто-либо ступал на его рыхлый край, как вся эта широкая белая лента, состоящая из раздробленной щебенки размером в добрый булыжник и больше, начинала угрожающе шуршать, двигаться, гудеть, ползти вниз, увлекая за собой огромные обломки нависших с краю скал, ожесточенно дробя и кромсая их, словно хрупкие сухари.

Далеко справа, там, где кончались разрушенные временем уступы гигантских террас, начиналась широкая конная тропа. От поселка до нее – почти десять километров. Столько же – вниз, к сыпучему ущелью по довольно крутой и узкой тропе.

Нет, он успеет помочь сестренке! Должен помочь!

Тут и думать нечего... И Роберто уверенно заскользил вниз.

– Бросай конец! – крикнул он деду уже через минуту и, аккуратно смотав корд в строгую бухту, стремительно помчался дальше, к следующему уступу.

Еще дважды спускался он на канатах по отвесным, почти вертикальным гранитным стенам, а потом смело двинулся вниз, в сгущающиеся сумерки.

Он успел. Справа, за ущельем, никого не было видно до самой кромки темного, словно ночь, леса. Слева, где-то над ним, слышался осторожный цокот подков...

Роберто отдышался и медленно двинулся влево по тропе. Здесь, вблизи ущелья, она была узкой даже для горца: с одной стороны – скалистый обрыв, с другой – глухая стена.

Роберто прижался к мокрой холодной стене и, затаив дыхание, слился с ее серой поверхностью. Прошла минута, другая... Цокот приближался. По тропе посыпалась мелкая галька...

А вот и они... Впереди – Хосе. Осторожно ведет коня. Тропа крутая, и чуткий конь ступает, старательно выбирая места, куда без опаски можно поставить ногу... Поперек седла что-то белеет.

– Стой, негодяй, приехали!

Роберто отделился от стены и схватил коня под уздцы левой рукой, а правой, будто железными тисками, сжал руку Хосе, держащую уздечку.

В первую секунду креол буквально остоленел от неожиданности, но потом опомнился, выпустил уздечку, рванулся изо всех сил и, отступив за широкий круп коня, выхватил из-за высокого голенища сапога тяжелый кольт.

– Я тебя проучу, грязная свинья! – в бешенстве заорал он, стараясь спрятать за этим надрывным криком свой страх и растерянность. – Прочь с дороги! Или я превращу тебя в решето! – и трижды выстрелил в воздух.

Но громовые, удесятенные эхом ущелья, выстрелы не произвели желанного для Хосе впечатления. Только конь, вздрагивая, чуть приседал на задние ноги и беспокойно поводил ушами.

Роберто быстро снял с коня сестру, поставил на ноги и, вынув из ножен у пояса стальной охотничий клинок, разрезал тонкий кожаный шнурок у нее на руках. Потом осторожно вытащил платок изо рта.

– Держи, – протягивая повод сестре, сказал он на индейском языке. – Держи покрепче. И стань к стене, за коня. Я сейчас.

Прогремел еще один выстрел. На этот раз выпущенная дрожащей рукой пуля расплющилась о скалу над головой Роберто, но он смело пошел навстречу креолу, который с испугом пятился назад. Кольт в его руке трясся и прыгал.

– Я брат Мадлен, – спокойно сказал Роберто по-испански, стараясь в то же время убрать клинок в ножны. – Тебя, мерзавец, вместе с твоими друзьями следует проучить за все ваши подлости, но сегодня мне не до этого...

Хосе не услышал, видимо, последних слов Роберто. Истолковав по-своему его жест, креол подумал, что брат Мадлен сейчас бросится на него с ножом. Помочь ему было некому: он знал, что дружков его час назад поймали и обезоружили парни с рудника. А справиться одному с этим огромным краснокожим ему не под силу.

Завизжав, как подрезанная свинья, он в слепой ярости разрядил в Роберто оставшиеся в пистолете патроны. Одна из трех выпущенных пуль угодила в шею коня. Остальное произошло в считанные секунды. Дико заржав, жеребец поднялся на дыбы, вырвал уздечку из слабых рук Мадлен и, круто развернувшись на задних ногах, рванулся вверх по тропе вслед за креолом.

Роберто прижался к скале, пропуская мимо себя перепуганное животное.

– Ложись! – что есть силы крикнул он вдогонку Хосе, но тот с суеверным ужасом бежал дальше.

И уже через несколько мгновений конь настиг хозяина, со всего маху отшвырнул его могучей грудью с тропы, освобождая себе путь, и помчался дальше. Нечеловеческий душераздирающий крик Хосе замер где-то в глубине пропасти...

Роберто подошел к сестре, ласково обнял за вздрагивающие плечи, тихонько подтолкнул вперед.

– Пойдем, Мадлен. Для тебя все страшное осталось позади.

Сделав несколько десятков шагов, они, не стовариваясь, остановились возле того места, где бешено мчавшийся подстреленный конь отшвырнул Хосе в пропасть.

– У нас не принято бранить покойников, – тихо произнес Роберто, – но этот койотом жил, койотом и подох... Теперь жди больших неприятностей.

– Разве ты виноват? – возразила сестра. – И потом, может быть, на наше счастье, он не разбился до смерти?

Роберто покачал головой.

– На это надежды мало. До дна ущелья здесь добрая сотня метров. Если бы еще прямо по склону скатился, а то ведь конь его метров на пять от края отбросил... Что же касается правды, как ты говоришь, то кто нам поверит?

Они медленно двинулись дальше вверх по тропе. Роберто бережно поддерживал сестру. Стужались сумерки. Становилось прохладно. Где-то внизу тихо журчали невидимые ручьи. На потемневшем небе зажигались яркие звезды.

Минут через сорок у разъездной площадки они встретили ребят из рудника. Мигель и Торибио стояли тут же с низко опущенными головами, в изодранной в клочья одежде. Им, видимо, крепко досталось от парней. Здесь же, все еще бурно вздымая бока, стоял конь Хосе. Его держали под уздцы.

Брата и сестру встретили радостными возгласами.

– Все обошлось? – спросил у Роберто молодой забойщик Рафаэль Рисаль. – Мы так волновались, когда слышали выстрелы. А тут еще конь мчится. Еле остановили.

– Для Мадлен все окончилось легким испугом, – тихо ответил Роберто. – А вот меня, видимо, ожидают большие неприятности.

Он коротко рассказал товарищам, как все произошло там, перед сыпучим ущельем.

– Этих двоих отпустите. И оружие им верните. Пусть идут ищут своего хозяина. Может быть, на мое счастье, зацепился за какой-нибудь уступ. Если нет, мне надо уходить из дому...

Только поздней ночью добрались они до своей хижины. Мать и Дийяда бросились к Мадлен, стали успокаивать, растирать ей руки и ноги – девушка вся тряслась, словно в лихорадке, и трудно было понять: от ночной стужи это или от пережитого потрясения.

Фредерико молча, не перебивая, выслушал рассказ

Роберто, раскурил свою глиняную трубку и только после этого коротко сказал:

– Надо идти в общину. Всем. Сейчас же. Утром будет поздно. Там решим, что делать дальше.

И стал собирать скромные семейные пожитки. Секстина помогала ему. Она не произнесла ни слова, но, видимо, была, как всегда, полностью согласна с дедом.

Поселок общины индейцев племени кечуа находился на юго-западном краю плато, у самых отрогов новой гряды Анд. Род этот многие десятилетия арендовал здесь землю у богатого ранчero. Аймара и кечуа, жившие на плато, дружили еще с времен инков, и Фредерико был уверен, что соседи не оставят его семью в беде. Во всяком случае, дочери аймара в трудную минуту всегда найдут там и крышу над головой, и место у огня, и пищу, и доброе слово. В этом старый Фредерико не сомневался.

– Однако стойте, – сказал он девушкам, которые в этот момент выводили из сарайчика Косо и ее детеныша. – Сосед вернул вне вечером корд, – показал он Роберто переброшенную через плечо бухту каната. Обязательно нужно вытащить и те два, что остались на террасах. Они нам очень могут понадобиться. И даже скоро.

Роберто молча кивнул, и оба исчезли в темноте. А через час все пятеро уже неслышно шагали на юго-запад. Позади них гасли потускневшие звезды. Алел восток, и снежные вершины Анд пламенели на фиолетовом фоне неба.

...Старейшина рода – Великий Белый Ирбис с глубокой почтительностью и всеми знаками уважения, принятыми у индейских племен, усадил Фредерико рядом с собой на толстую мягкую подстилку, сотканную из шерсти ламы. Неслышной тенью скользнул по ковру молодой индеец, подбросил в очаг сухие поленья и пучки пахучей травы. Другой принес набитую табаком трубку, подал огня.

Великий Белый Ирбис старательно раскурил ее, сделал три традиционных затяжки, передал гостю.

– Ирбис внимательно слушает тебя, старейший из аймара!

Фредерико потянул три раза из трубки, с поклоном вернул ее хозяину и неторопливо поведал обо всем, что случилось недавно с Мадлен и Роберто.

– Я прошу у тебя помощи и совета, Великий Белый Ирбис, – поднялся он на ноги и снова низко поклонился.

Старейшина почтительно усадил Фредерико рядом с собой. Потом лицо его скрылось за клубами табачного дыма. Несколько долгих минут он сосредоточенно курил трубку. Потом вдруг хлопнул три раза в ладоши.

Вошли два молодых индейца.

– Проводите женщин в свободный вигвам, – сказал он им на языке аймара. – И проследите, чтобы там было тепло и чтобы им всегда хватало пищи. Они наши дорогие гости.

Он подождал, пока Секстина и девушки вышли, потом заговорил снова, глядя прямо в глаза Фредерико:

– Ты можешь остаться тоже. Если захочешь. Но молодой аймара должен уйти. Так будет лучше для него... И дело тут не в том, что трижды проклятые гачупины могут лишиться куска хлеба, согнать с арендуемой у них земли. Просто среди многих честных кечуа нашего рода могло случайно вызреть и гнилое семечко. Соблазн велик... За золото, за кусок горбатой каменной земли, за право командовать и помыкать своими же сородичами стяжатель и завистник может выдать молодого аймара. Такие случаи уже бывали не раз. И у кечуа, и у аймара. И даже у великих инков и ацтеков... Старейший и почтеннейший из аймара, конечно же, знает трагедию Тупак-Амару. И первого, и второго... Говорят, молодой аймара очень похож на Хуана Кондорканки...

Роберто удивленно посмотрел на деда. “Что там еще за Тупак...” И вдруг увидел, как у старого Фредерико вся кровь отлила от лица. Оно побелело. Потом посерело. Дедушка порыvistо поднялся.

– Ок! – сказал он, низко склонившись в благодарном поклоне. – Великий Белый Ирбис должен по праву называться еще и Мудрым... Мы от всего сердца благодарим тебя и всю общину за теплое гостеприимство, оказанное женщинам аймара. И за мудрый и добрый совет, данный мужчинам. Мы уйдем в горы. Оба. Немедленно. Через сухие ущелья по направлению к озеру Тотокуку. Потом дадим о себе знать нашим женщинам.

– Будьте спокойны за них, – поднялся старейшина. – Мы дадим нашим братьям одежду, пищу, табак – все, что нужно в трудной дороге. Молодые, преданные мне телом и душой кечуа проводят наших братьев до самой холодной тропы.

Он прошел в темный угол вигвама и быстро вернулся, держа в руке тяжелый обушок рудокопа.

– С ним я пятнадцать лет трудился на руднике. Возьмите. И почаще рубите тропу за собой.

Всего на минутку зашли они в вигвам, где поселили Секстину с дочерьми. Девушки уже лежали в постели. Мать сидела возле очага. Молчаливо выслушала их решение. Согласно кивнула головой.

– О нас не тревожьтесь. Мы у хороших людей.

Только и сказала. И протянула Роберто собранный в дальнюю дорогу узелок.

Четверо молодых кечуа проводили их высоко в горы, туда, где не росла даже трава, где среди поднимающихся к небу бурых скал начиналась холодная снежно-ледяная тропа.

Юноши несли на себе тяжелые мешки с провизией, теплыми вещами, флягами с водой, две вязанки сухих поленьев. У тропы Фредерико и Роберто одели на себя теплые вещи.

Прощаясь, один из провожатых снял с руки большие красивые часы и протянул их Роберто.

– Возьми. Я выменял эти часы в прошлом году в долине за сто шкурок коипу. Очень хорошая вещь. И время точно показывает, и день, и месяц, и год. И заводить их пять лет не нужно. Микроаккумулятор в них. Вернешь, когда отступит беда.

...С тех пор прошло ровно четырнадцать дней. И каждый из них старый Фредерико размеренно шел впереди, а Роберто по несколько раз в день останавливался и рубил обушком

пяти-шестиметровый отрезок ледяной тропы за собой, чтобы задержать возможную погоню. А потом догонял деда.

...На шестой день они без особых помех добрались до малой пещеры, где укрытые за тяжелыми камнями сидели мертвые Эдувихес Кондорканки и его правнук Таау. Время пощадило их. Мороз превратил в камень тела обоих. Седовласые, похожие внешне друг на друга, как братья, они – прадед и правнук – сидели рядом, словно живые, бросая вызов векам, и трудно было понять, кто из них старше...

Там, в маленькой пещере, у застывших навеки в немой беседе предков рассказал старый Фредерико внуку все, что знал о тайне своего племени.

Нет, Роберто не отмахнулся от рассказа деда. К несказанной радости старика глаза внука загорелись огнем надежды. Что-то видел он в этой легенде аймара, что-то есть в ней, что-то непременно должно было быть! Только солнцеликий Виракоча тут, конечно, ни при чем.

Он так и сказал об этом деду, когда, закрыв снова мертвых тяжелыми валунами, чтобы не нарушили их покоя дикие звери, они пошли дальше. Дед промолчал тогда, а сейчас, через восемь дней, опять достал старинный амулет и вновь усердно молится своему Виракоче.

Роберто разогнулся. С довольным видом посмотрел на свою работу. Долго придется тут повозиться их возможным преследователям! Потом неторопливо подвязал к своему опустевшему мешку обушок и повернулся к деду.

– Что это ты опять, – начал было он и... замолк, застыл, онемевший, боясь шевельнуться.

Лицом к низко стоящему над снежными вершинами солнцу, застыв, будто каменное изваяние, на коленях стоял Фредерико. На раскрытой ладони его вытянутой к солнцу левой руки лежал амулет. Та его часть, на которой раньше в скорбной задумчивости дремало, прикрыв большие глаза тяжелыми веками, незнакомое существо, светилась ровным голубым светом. Существо исчезло. Его больше не было видно. А голубой свет расширялся, рос в объеме, становясь осязаемым, плотным и немного расплывчатым. Он мерцал искринками, этот загадочный сгусток света, вспыхивал разноцветными огнями, все больше превращаясь то ли в овальное зеркало, то ли в маленький киноэкран...

И вдруг на нем появились какие-то непонятные знаки. Черные, выразительные, они хорошо просматривались на ярко-голубом фоне, собирались в ровные строчки. Эти строчки какой-то момент оставались неподвижными, а затем уплывали куда-то вверх одна за другой. Казалось, кто-то невидимый быстро пишет бесконечно длинное письмо непонятными буквами-клиньями.

Нет, это не был язык испанцев или других гринго, живших в их стране. Роберто сразу понял это. Но ведь на земле так много других народов...

Строчки исчезли так же неожиданно, как и появились. А на голубом поле экрана, который, казалось, свободно плавал в воздухе, возникло изображение часов. От деления к делению размеренно двигалась большая секундная стрелка. Такая же большая, только потолще, упиралась заостренным концом в красный кружочек, где обычно стояла цифра "12", а такая же толстая, в два раза меньшая по размеру, в такой же кружочек, где было место цифры "4".

Роберто невольно взглянул на свою левую руку. Стрелки на часах молодого кечуа показывали ровно четыре часа пополудни 10 июля.

По спине юноши волною прошел озноб, словно выбрался он только что из ледяной купели. Бешено колотилось сердце. Его острый слух улавливал какую-то незнакомую тихую мелодию. Он невольно сделал шаг вперед, пытаясь лучше расслышать волнующие звуки, и снова замер на месте. Часы на голубом экране исчезли, а в центре его, где-то далеко-далеко, загорелась яркая желтая точка. Вот она увеличилась до размеров блюдца, искрясь и переливаясь, как стайка колибри в сельвасах ¹¹. А потом вокруг нее закружились, приближаясь и уве-

---

¹¹ [11] Сельвасы – обширные влажные тропические леса в Южной Америке.

личиваясь, разноцветные и различные по величине пуговички. Вот одна из них – третья от ярко-желтого блюдца, зеленовато-голубая, сравнительно небольшая, стала постепенно увеличиваться. Желтое блюдце в это время медленно поплыло в правый угол. От него видимым остался только небольшой кусочек. А маленькая голубоватая пуговичка, все больше увеличиваясь и приближаясь, с каждой секундой все больше походила на знакомый с детства глобус с привычными материками и океанами.

Роберто присмотрелся.

– Это наша Земля, – пояснил он деду. – Она вращается вокруг своей оси и вокруг солнца.

Оцепенение прошло, и он уже спокойнее смотрел на голубой экран, плавающий прямо в воздухе над ладонью застывшего, словно изваяние, Фредерико.

Под вращающейся Землей мелькали цифры. Кусочек желтого солнца медленно переместился в левый угол экрана, а затем так же медленно вернулся в правый. Движение глобуса вокруг оси тоже замедлилось, а в центре нижней части экрана четко обозначилось число 365.

“Год от сегодняшнего дня”, – понял Роберто.

А глобус на экране снова стал набирать обороты, закрутился вокруг своей оси, словно волчок, под основанием которого продолжался начатый отсчет его оборотов. Быстро мелькали числа. 400, 470, 540 – улавливал Роберто некоторые из них. Но почему вдруг стал тускнеть, расплываться экран? Нет, не сам экран, Округлые края его, как и раньше, были фиолетово-голубыми, яркими, сочными. А вот золотисто-желтое солнце, голубой ореол вокруг глобуса... Их будто заволакивало какой-то пеленой...

640, 690, 710... Вращение глобуса снова замедлилось. Как и кусочка солнца, его почти не было видно на экране. И вдруг ободок ореола вокруг изображения Земли вспыхнул ярким красным огнем. Сдвинулись, куда-то поплыли очертания материков, и в то же мгновение глобус на экране рассыпался на мелкие кусочки. На чистом лилово-голубом экране появились три крупные цифры – 7, 2, 1.

Смолкла мелодия. Исчез экран. Со среза трехгранного амулета широко раскрытыми фиолетовыми глазами смотрело на двух людей незнакомое существо, губы которого чуть приподнялись в приветствии.

Молодой индеец взглянул на часы. Передача продолжалась всего три минуты.

И эту вещь аймара хранят у себя почти пять веков!

Роберто подошел к Фредерико, осторожно взял с его ладони трехгранную золотистую пирамидку, потом бережно помог подняться старику.

– Идем, дедушка. Нам нужно спешить к скале Ау. Амулет Тупак-Амару поможет открыть нам дорогу к тайне аймара или, что вернее, к тайне гор. Я очень верю в это! И не зови ты на помощь своего Виракочу. Бог здесь ни при чем. Хотя тех, кто создал этот амулет, и впрямь можно назвать богами...

Больше часа шли они еще по едва заметной горной ледяной тропе. Шли медленно, потому что Роберто каждые двести шагов разрушал обушком кусок тропы, тщательно срубывая малейший бугорок, на который могла бы опереться нога преследователя.

Все-таки они успели пройти довольно далеко вперед. Дед оказался прав. Солнце еще не село, когда за очередным поворотом глубоко внизу открылась широкая, окруженная со всех сторон горами, долина, значительную часть которой занимала водная гладь.

– Вот оно, Тотокуку, – не сказал, а с каким-то проникновением выдохнул из себя Фредерико. – Древняя обитель солнцеликого Виракочи...

Дед поднес ладонь к глазам, пристально взгляделся вперед, потом привлек к себе Роберто, обнял за плечи.

– Видишь вторую вершину на горизонте? Если смотреть на воду прямо под ней, то заметны белые пятнышки. Это небольшие каменные островки. Их три. На них стоят наши

древние каменные храмы, – почему-то шепотом продолжал он. – Много веков назад их построили предки аймара. Говорят, там начинается путь в царство солнцеликого Виракочи...

Он замолк, задумчиво глядя вперед, а затем, словно очнувшись от грез, заговорил буднично, обычным своим мягким, певучим и немного гортанным голосом:

– Скала Ау и пещера, где последнюю ночь провел с женой и сыном наш отважный пращур Хуан Кондорканки, чуть ниже, недалеко отсюда. Мы будем там очень скоро. С площадки у самой скалы и озеро видно лучше. Пошли, сынок.

И он уверенно двинулся вниз.

Стояла удивительная тишина. Куда-то далеко за вершины гор умчался непоседа ветер. На небе – ни облачка. За далекий хребет западных Анд прячется солнце, и его малиновый свет золотит отроги ближних вершин, отражается в водах Тотокуку, превращая их поверхность в огромный костер.

Вот и скала Ау, и узкий вход в пещеру слева от нее.

Издалека послышался слабый раскат грома. Роберто обошел скалу, стараясь рассмотреть ее причудливую тень. Действительно ли похожа?

Что-то в ней и вправду есть...

Он смотрел на огромный темный профиль, отбрасываемый скалой Ау на отвесный склон горного великана. Крутой высокий лоб. Длинные жесткие волосы. Нос с горбинкой. Чуть выпяченные вперед губы. Ясно очерченный подбородок... Чудеса, и только! Чем-то тень похожа на дедушку Фредерико!

Второй, более мощный раскат дошел до его сознания.

Гром среди ясного неба? Откуда?!

А у стоявшего чуть поодаль Фредерико от переживаний вдруг закружилась голова и подкосились ноги. Зазвенело в ушах, поплыли перед глазами темные круги, а земля вздрогнула под ним и ушла из-под ног куда-то.

“Совсем одряхлел, – подумал он, лоя руками воздух. – А может быть, просто от голода? Ведь уже четвертый день мы с Роберто ничего не ели...”

Он посмотрел на внука и с испугом вскрикнул, увидев, как Роберто изо всех сил пытается подняться с земли, куда швырнула его и держала, не отпуская, какая-то неведомая сила.

Но далекий гром – оглушительный, страшный в своей дикой силе грохот в третий раз потряс и воздух, и землю. В исступленном танце заплясали, задрожав, скалы.словно гигантские змеи, раскачивались отроги гор, а прямо против них над одной из снежных вершин высоко в небо взметнулся огненно-черный фонтан.

– В пещеру! Скорей в пещеру! – крикнул дед Роберто. – Только там мы сможем найти спасение!

Помогая друг другу, они добрались наконец до узкого входа, протиснулись в сырую дыру. Но прежде чем спрятаться под могучими сводами, оба на мгновение выглянули наружу.

Сколько жить будет, не забудет Роберто этой страшной картины...

Завывая и дико ревя, гремя и раскалываясь на лету, с неба огненным дождем сыпались раскаленные добела камни. Поднимая тучи снега и пыли, оглушительно грохоча, неслись по склонам гор каменные и снежные лавины. Кипела огненная вода Тотокуку. На поверхности озера больше не было видно островков. Они скрылись под водой вместе с храмами. По небу, закрывая проступившие звезды, ползли тучи черного дыма...

Роберто вынул из мешка свечу и зажег. Помог деду набить и раскурить трубку. Оба долго сидели молча, напряженно прислушиваясь к тому страшному и необратимому, что происходило за стенами их убежища.

Роберто понимал – ожил один из многих вулканов, которыми так богаты их горы. Одновременно произошло землетрясение. Его толчки периодически проникали и сюда, в пещеру.

Тогда казалось, что кто-то могучий и злобный требовательно стучит в дверь дома, от чего тряслись и стены, и пол, и высокие своды.

Не об этом ли недавно предупреждало их незнакомое доброе существо, когда показывало, как разлетается на мелкие кусочки глобус-Земля, окутанный черным дымом и красным ореолом пожара?

Но ведь были цифры... Они говорили, что до страшного этого часа должен пройти 721 день...

Юноша терялся в догадках. Он достал с груди золотистый амулет, взялся пальцами за головку неведомой птицы с человекоподобным лицом и поднес к глазам трехугольный срез пирамидки.

Огромные глаза неподвижно застывшего незнакомое существа мгновенно раскрылись, засветились сначала голубым, а потом нежным розовым сиянием, заискрились живым блеском. Кончики губ его приподнялись в приветливой улыбке.

Роберто вскочил, взял за руку задремавшего деда. В тот же миг по сводам пещеры поползли огненные змейки, осветив ее всю голубым неземным сиянием. Тихо зазвучала знакомая уже мелодичная музыка.

– Идем, дедушка, идем скорее! – потянул он за собой Фредерико прямо на глухой, серый от времени монолит стены.

Шаг, другой, третий... Едва правая рука Роберто, в которой был зажат старинный амулет аймара, коснулась холодного камня, как скала мягко поплыла назад, бесшумно сдвинулась куда-то вверх, открывая широкий проход, за которым сверкал огнями высокий круглообразный тоннель.

Слегка подтолкнув шепчущего молитвы деда, Роберто вслед за ним решительно шагнул вперед.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Несмотря на сезон дождей, Остров Свободы готовился торжественно отметить юбилей одной из первых героических страниц новой истории – День 26 июля.

Много лет назад – 26 июля 1953 года – за час-полтора до рассвета от маленького домика в местечке Сибоней, километрах в двадцати от Сантьяго-де-Куба, соблюдая интервалы и необходимые меры предосторожности, отъехало несколько машин. В них находились сто пятьдесят восемь мужчин и две женщины. Спустя несколько часов их имена навечно внесены в летопись героической борьбы кубинского народа за свою свободу против собственной буржуазии и иностранных монополий.

В пять часов тридцать минут утра, ровно за семь минут до восхода солнца, небольшой отряд прогрессивно настроенной молодежи, вооруженный винтовками и пистолетами, открыл огонь по военной казарме Монкада, где находилось около двух тысяч солдат буржуазного правительства. Бой у казармы поднял в кубинском народе волну великого гнева, огромный подъем национального самосознания.

Но в тот ранний предзвездный час смельчаков было только сто шестьдесят. Возглавлял их Фидель Кастро. Внезапной атакой повстанцы хотели ошеломить врага, заставить его сложить оружие, захватить арсеналы и, вооружив рабочих и крестьян, повести их в бой за свободу, в последний час перед атакой обходивший казарму патруль заметил повстанцев и поднял тревогу. Их встретил шквальный огонь.

Несколько часов продолжался бой у стен Монкады. Повстанцы проявили исключительную стойкость и мужество, но силы были неравны. Многие погибли в бою. Руководитель революционеров – двадцатилетний Фидель Кастро был заключен в тюрьму вместе с оставшимися в живых товарищами. И все же свою главную задачу повстанцы выполнили. Пример отважных посеял зерна надежды, звал на борьбу за свободу и счастье людей труда. По всей стране стали создаваться организации “Движения 26 июля”, началась партизанская война против угнетателей, которая окончилась полной победой – 1 января 1959 года революционные войска вошли в столицу Кубы – Гавану. Страна прочно стала на путь социализма, ее первым президентом народ единогласно назвал Фиделя Кастро.

С того времени День 26 июля ежегодно отмечается на Острове Свободы как национальный праздник. Но этот год был особый, исключительный. И не только потому, что ожидалась “круглая” дата. Несколько месяцев назад Всемирный комитет молодежи и студентов принял решение провести очередной фестиваль юношей и девушек планеты в столице социалистической Кубы. Его открытие было назначено на 26 июля.

Но программа праздника юности, согласованная с правительством республики, начала осуществляться по планете задолго до этого знаменательного дня. В большинстве стран всех континентов проводились национальные фестивали, шли отборочные соревнования лучших молодых спортсменов, конкурсы певцов, чтецов, театральных, хоровых, танцевальных и эстрадных коллективов. Одновременно готовились выставки молодежного творчества – поэтов, писателей, скульпторов, художников, мастеров фотографии. Проводился отбор для участия в соревнованиях молодых рабочих и крестьян по профессиям, конкурсы журналистов, работников радио, телевидения, многочисленных киностудий...

В строгом отборе, где право представлять свою страну, свой континент на традиционном празднике молодежи получал один буквально из сотен тысяч, Олегу Слюсаренко очень повезло. В начале января совет молодых ученых при Академии Наук СССР совместно с Комитетом молодежных организаций страны единогласно утвердил его кандидатуру в состав советской делегации на фестиваль по группе молодых ученых за теоретическое решение и практическое внедрение принципиально новой задачи математического обеспечения автоматического

управления кораблями морского и речного флотов любого водоизмещения и назначения на основе применения современной кибернетики и электронно-вычислительной техники, а также за разработку, создание и внедрение для ее применения оригинального малогабаритного блока “ЭВМ-ПРАКТИКА”.

Его сообщение об этой работе с демонстрацией одного из уже построенных объектов непосредственно на Всемирном форуме молодежи было запланировано на 1 августа.

А еще через месяц пришла телеграмма от Комитета по делам физкультуры и спорта. В ней официально сообщалось, что Олег вместе с выбранным им экипажем включен в состав участников Регаты Свободы так называли организаторы фестиваля морской марафон на спортивных парусниках вокруг Южной Америки.

Одиннадцать тысяч триста сорок миль! Попутные ветры и течения на всем пути. Океанский простор, экзотическая красота побережья! И по сути – целых два месяца отдыха. Такого желанного, такого нужного отдыха! И как несказанно рада будет Таня!

Олег потирал руки от радости. Ничего, что часть пути совпадает с периодом дождей, что возможны встречи со штормами и даже ураганами. Они все одолеют.

Наполнив радужным светом ранние зимние сумерки, ярко вспыхнул экран видеофона. Призывно зазвучали короткие и длинные сигналы разного тембра.

“Что это? Правительственный вызов? – подумал Олег, включая аппарат на двухстороннюю связь. – Неужели что-то случилось непредвиденное? Как это сегодня не кстати”.

Но с экрана, весело улыбаясь, смотрел его тренер Андрей Иванович Аксенов.

– Поздравляю, Олег, от всего сердца. И тебя, и Таню. Я из Москвы, из спортивного комитета. Только что прочел условия для участников регаты. Они составлены так замечательно, что не получить нам гран-при ¹² просто невозможно! Ты только послушай!

Он чуть заметно подмигнул Олегу правым глазом, придвинул поближе к себе двойной лист бумаги и стал передавать их содержание:

– Парусник может быть любого типа... с неограниченным количеством мачт и парусов, с любой системой управления. Длина корабля, однако, не должна превышать двадцати метров, а водоизмещение – пятидесяти тонн.

– Ну, это нас с тобой, пожалуй, мало касается, снова улыбнулся он Олегу и что-то забубнил скороговоркой себе под нос. – А вот это, пожалуй, важно, поднял на Олега глаза.

Слюсаренко уловил в его взгляде скрытое разочарование и даже обиду.

– На борту предусмотрено наличие двух членов экипажа любого пола в возрасте от восемнадцати до двадцати восьми лет, – читал Аксенов нарочито бодрым голосом, стараясь скрыть за этой показной бодростью свое явное огорчение, – и два пассажира не старше тринадцати или же не моложе шестидесяти лет. Питание – автономное, запас продуктов и пресной воды – на весь период плавания.

Аксенов медленно отодвинул лежащий перед ним лист бумаги и поднял на Олега глаза. Несколько секунд он не мигая смотрел перед собой, словно вспоминая что-то. Потом спохватился:

– Ах, да, запрещения! Нельзя подходить к берегу ближе ста метров, – загибал он пальцы, – удаляться от него на расстояние, превышающее двадцать миль... Пользоваться двигателями, кроме случаев крайней опасности для экипажа. Нельзя пополнять запасы пищи и пресной воды со встречных кораблей и лодок, получать консультации и практическую помощь по управлению судном от посторонних лиц и в пунктах, не предусмотренных в схеме маршрута. Нарушившие правила механически выбывают из соревнований... Контроль за соблюдением правил возлагается на специальных комиссаров жюри, которые будут сопровождать парусники на реактивных катерах и гидросамолетах.

---

¹² [12] Гран-при – большой приз (франц.).

С минуту он молча просматривал документ, а потом закончил:

– Старт из Сантьяго-де-Куба 30 мая. Предполагаемый финиш лидеров в Гаване 24 июля... Подумайте о пассажирах. Я, конечно, не подхожу по возрасту. Досадно, но что поделаешь. Правда, есть тут один вариант... Попробую что-либо сделать, чтобы быть около вас. А вы ищите. Наверное, лучше всего мальчишек.

Экран погас. В комнате сразу стало темно – короткие зимние сумерки кончились. Олег закурил сигарету и, не зажигая света, подошел к окну. С высоты семнадцатого этажа он взглянул на знакомую до мелочей панораму огромного комплекса Института кибернетики, залитую тысячами огней. Работает он здесь только пятый год, но дорогу сюда, в один из красивейших уголков древнего и вечно молодого Киева, узнал значительно раньше, когда еще десятилетним мальчуганом пришел в сектор детской кибернетики института по направлению педсовета математической школы, в которой учился тогда в четвертом классе. Сектор детской кибернетики создали при институте в конце семидесятых годов по инициативе директора института академика Валентина Николаевича Дегтева – творца первых отечественных электронных вычислительных машин.

Как-то, года два спустя, когда Олег понял наконец разработанные функции и достигнутые возможности вычислительных машин первого, второго и даже третьего поколений, он неожиданно для педагогов совершенно разочаровался в них. Первоначальный интерес к ним у него как-то сразу пропал. Да, они быстро могли производить заданные людьми расчеты, анализировать состояние плавки металла в доменной или мартеновской печи, экономическое, чисто финансовое либо другое положение предприятия, отрасли. С удивительной точностью и очень быстро находили узкие места производства, рассчитывали потребности материальных и трудовых ресурсов на запланированные объемы производства и строительно-монтажных работ, необходимую перспективу капиталовложений на заданный темп развития экономики страны в целом и отдельных ее отраслей.

ЭВМ успешно контролировали правильность технологических процессов, качество и ассортимент выпускаемой продукции. Они помогали врачам точнее ставить диагноз, стали незаменимыми в поиске нужной книги или информации. Машины научились играть в шахматы на уровне мастеров, человеческим голосом отвечать на вопросы. Но самое главное – они могли предлагать варианты различных управленческих решений – от организации оптимального варианта выпечки хлеба на заводах-автоматах до выбора трасс космических кораблей. Но именно за эту их “услужливость”, что ли, и пропал у Олега к ним интерес.

Да, они анализировали, контролировали, советовали, считали. Но... на основе предварительно запрограммированной информации и заложенных в их “памяти” вариантов решений, заранее предусмотренных самими же программистами.

Ситуация, примерно, такая же, как при сдаче экзамена в Государственной автоинспекции на право вождения автомобиля автоматическому экзаменатору: к картинке, иллюстрирующей ситуацию, в которой оказался на дороге автомобиль, предлагается несколько вариантов ответов. Один из них правильный, и назвавший его получает положительную оценку.

А если ситуация не такая? Если она не имеет заранее запрограммированного ответа?

Тогда предложенный машиной вариант решения окажется в лучшем случае только приближенным к оптимальному. Окончательное решение и последующее за ним действие, то есть претворение совета в жизнь должен осуществить человек.

– Они у вас ленивцы-бездельники, – с детской прямоотой и непосредственностью сказал Олег директору. Советуют, советуют, словно старенькие деды-ворчуны, а сами ничего делать не хотят... Послушаешь таких, а потом беды не оберешься... Уж лучше пусть считают.

Это у них здорово получается!.

Академик пристально посмотрел на мальчика. Ласково взъерошил белые, выгоревшие на солнце вихры.

– Ты прав, малыш, – сказал тихо. – Только они не старички. Просто они еще очень молоды. Совсем недавно стали на ноги. Как ты... Мы научили их многому, но им еще расти и расти. И, кто знает, может быть, именно ты научишь их самих выполнять свои советы.

Олег вспомнил об этом разговоре восемь лет спустя. Тогда же он совершенно охладил к “ворчунам-бездельникам”, хоть и перестал называть электронные машины старичками. С недетским упоением окунулся он в удивительный мир математики. Учеба в специальной школе, занятия в детском секторе Института кибернетики, внимательное отношение к ее воспитанникам выдающихся ученых, страстная увлеченность железной логикой формул, горячее стремление до конца понять их глубокую суть привели к тому, что, значительно опередив своих сверстников, он в девятнадцать лет окончил физико-математический факультет университета и получил назначение в Институт кибернетики.

Однако одержимость точными науками не оторвала его от жизни земной, с ее иногда глобальными противоречиями, которые никак не входили в незыблемые рамки математических законов. Большое влияние на житейскую сторону формирования личности Олега, его мировоззрения, отношения к окружающим оказал дед. Прославленный генерал-танкист, участник Великой Отечественной войны, дважды Герой Советского Союза, всегда окруженный друзьями-ветеранами, молодежью, занятый множеством неотложных общественных дел, Захар Карпович неизменно находил время для внука. В его удивительных рассказах о фронтовых буднях, о живых и погибших товарищах, их исключительной человечности, верности долгу, народу, стране раскрывались величие и красота советского человека, познавшего всю глубину счастья жить и трудиться на священной нашей земле.

Дед брал его в походы молодежи по местам боевой и трудовой славы, и Олег полюбил лесные тропы, ночевки у костров. А когда однажды на крутом карпатском перевале он по горло провалился в снег и заплакал от сознания собственного бессилия, дед сказал ему:

– Крепись, парень, и никогда не теряй мужества. Не хныкать надо в таком положении, а спокойно и обдуманно находить из него выход. Человек силен не столько мускулами своими, сколько разумом.

И потом, помолчав минуту, поглядев, как, утирая озябшими руками слезы, внук молча освобождает себя от снежного плена, добавил:

– Зимой сорок четвертого, в лютый мороз, под огнем врага здесь шли в атаку наши гвардейцы. Они не плакали даже тогда, когда хоронили товарищей. А ведь из каждого десятка до гребня дошли только трое...

С того трудного зимнего дня Олег стал как-то иначе смотреть на окружающих его людей. Все они стали ему вдруг ближе, роднее, понятней. В каждом пожилом, убеленном, как его дед, сединами человеке он видел одного из тех троих, что вместе с дедом дошли до снежного карпатского перевала. Не только сквозь снежную – сквозь стальную и свинцовую вьюгу.

А встретив человека помоложе, спрашивал себя: может быть, это сын или дочь одного из тех, семерых, что лежат в Братской могиле там, на высоком карпатском гребне?

В доме была собрана солидная кинотека о Великой Отечественной и гражданской войнах. В огромных шкафах хранилось много мемуарной, исторической и художественной литературы про бессмертный подвиг народа, отстоявшего великие завоевания революции. Как-то само собой у него вошло в привычку в трудные минуты приходить сюда, в просторный кабинет деда, и смотреть или перечитывать заново документы, так просто и ясно раскрывающие правду жизни, борьбы.

Во время учебы в университете Олег увлекся плаванием. Сначала – надводным, а потом отдал предпочтение аквалангу. Уже работая в институте, не упускал случая поплавать в водах Днепра. Вынырнув однажды в сумерках на поверхность воды в самом центре Русановского залива, расположенного среди чудесных парков и пляжей столицы Украины, Олег неожиданно

попал под киль легкой парусной яхты. Удар пришелся в голову, и кто знает, чем бы закончилось это столкновение, если бы не решительные действия девушки, управлявшей яхтой.

Мгновенно погасив парус, она бросилась за ним в воду. Нашла сразу. С трудом вытаскила на поверхность воды и, отстегнув акваланг, который камнем пошел ко дну, привела в чувство и помогла забраться в яхту.

Отдышавшись, окончательно придя в себя, Олег стал искать акваланг. Прошло более двух часов, совершенно стемнело, но Днепр не хотел отдавать своей добычи.

– Может быть, завтра нам больше повезет? Приходите утром. Пораньше... А то в десять у меня работа с тренером, – виновато улыбнулась она.

Возможно, покоряющая эта улыбка все и решила тогда? Она была как открытие, как волнующее неповторимое откровение... До нее Олег просто не видел девушки, всей ее изумительной юной прелести.

Ей было семнадцать тогда, – улыбнулся своим теплым мыслям Олег, вглядываясь в морозные узоры на стекле, которые успели значительно расширить свои владения. Ладная фигурка, милое лицо с пухлыми алыми губами, чуть вздернутым носиком и большими голубыми глазами, открыто и радостно глядевшими на окружающий мир, на него. Из-под резиновой шапочки выбивается светлая прядь. На груди розового купальника широко раскинул крылья голубой буреветник...

– Вы студентка?

Она молча кивнула.

Взглянув на складки белого паруса у ее ног, он увидел три большие красные буквы – КГУ.

– Университет, – не то спрашивая, не то утверждая, произнес он, тихонько засмеявшись каким-то своим мыслям. – А какой факультет?

– Географический.

Взяв по веслу, они молча стали грести к берегу. И уже у самого причала спортивной станции он сказал:

– Я приду завтра в восемь. Не рано будет?

– В самый раз, – подала она ему на прощание руку и снова улыбнулась. – Может быть, вас в медпункт проводить?

– Что вы, у меня все в норме. Вам большое спасибо за помощь, – смутившись, пролепетал он, вспомнив, что так и не поблагодарил ее за спасение.

На этот раз смутилась она. Смуглые от загара щеки ее враз стали еще темнее. Она тихонько высвободила свою руку из его ладони.

– Какое спасибо... Сама ведь виновата...

Он так и не решился спросить ее имя, но мягкий, грудной, с милыми переживаниями ее голос слышался ему весь вечер. А на следующее утро в половине восьмого он был у лодочного причала водно-спортивной станции “Буреветника”. Девушка уже сидела в яхте.

На этот раз им повезло почти сразу. Нырнув вторично, Олег нащупал на дне затянутый песком акваланг и поднялся с ним на поверхность. Но когда он уселся на маленькую скамеечку возле руля, радость его мгновенно растаяла. Надо было возвращаться на берег.

– Может быть, хотите покататься? У меня еще есть время.

Она словно читала его мысли.

– В самом деле можно?

– Конечно. Вдвоем даже легче, да и веселее. Только просто пассажиром на такой яхте быть нельзя. Придется помочь мне немного. Это не трудно, когда умеешь плавать. Сидите на своем месте у руля и крепко держите его. По моей команде будете поворачивать руль в нужную сторону, а сами всем корпусом отклоняться в противоположную. Ясно?

– Есть, капитан! – весело ответил он.

И вот уже белой чайкой взметнулся парус, хлопнул, наполнившись ветром, и яхта поплыла – полетела над заливом, словно легкая стремительная птица.

– Лево руля! – звонко и радостно крикнула девушка, а сама в этот миг грациозно перегнулась за правый борт, прочеркивая на воде ладонями пенистый бурун.

Набирая скорость, они неслись к центру залива.

Яхта выпрямилась. Девушка тоже. Но в глазах ее Олег увидел напряженное внимание. Вот она подняла левую руку, словно призывая своего напарника сосредоточиться, и в тот момент, когда изящный нос яхты пересек невидимую, но, вероятно, хорошо известную ей линию середины фарватера, девушка легким, почти неуловимым движением передвинула парус и, чуть перегнувшись на правый борт, отрывисто бросила:

– Право руля! Так держать!

Потом села на корму рядом с Олегом.

– Нравится?

Он только головой кивнул, сдерживая дыхание от охватившего его непонятного восторга.

– Это прелесть как хорошо, – захлопала в ладоши девушка. – Я к тому, что у нас еще две минуты отдыха, а потом очень крутой поворот. На сто восемьдесят градусов. В первый раз это очень трудно.

Лицо ее было оживлено, глаза светились радостью, веселым задором молодости, уверенности в себе.

– А вы тоже учитесь? – спросила она Олега.

– Нет, работаю.

Густые черные брови ее удивленно поднялись.

– А как же учеба? Не прошли по конкурсу?

Он объяснил, что работает в Институте кибернетики. Пара пушистых веерков-ресниц взметнулась вверх.

Язык не поворачивался сказать ей, что вот уже почти год, как он в институте заведует отделом теории движения и что месяц назад ему присвоена ученая степень кандидата математических наук. Олегу казалось – скажи он обо всем, как есть, и это сразу сделает его старым в ее глазах, что она...

– Право руля! – неожиданно раздалась над самым его ухом звонкая команда. – Еще право, до отказа!

Крыло паруса метнулось влево, затем вдруг повисло на мгновение, словно обессилев, и, оглушительно хлопнув, вновь наполнилось ветром. Корпус яхты резко накренился. Готовая каждую секунду перевернуться вверх килем, яхта почти лежала на боку.

– Лево руля!

На этот раз ее певучий грудной голос звучал откуда-то из воды. Самой девушки не было видно, только ноги ее, загорелые до шоколадной черноты, виднелись над бортом.

“Неужели опрокинемся?” – промелькнуло в голове. Упершись левой ногой в руль, Олег тоже навалился всем телом на приподнятый над водой правый борт и почувствовал: яхта выпрямляется. Не ожидая новой команды, он отвел рукоятку руля в среднее – нейтральное положение.

– А вы молодец, соображаете, – похвалила девушка, снова усаживаясь рядом с ним на корме.

Олег узнал, что ее зовут Таней.

Несколько раз промчались они из конца в конец залива, стараясь обогнать других яхтсменов, вступая в негласное соперничество с экипажами высших, чем их “Юлия”, классов.

После одного из очередных разворотов он робко попросил:

– Можно... вы на руль, а я на противовес? Только вот с парусом... Управляюсь ли? Никогда раньше не приходилось.

Таня обрадовалась:

– Конечно, попробуйте!

У него получилось. Дух захватывало от удивительного, ни с чем не сравнимого полета над волнами.

С причала спортивной базы “Буревестника” какой-то мужчина энергично махал им рукой.

– Ой, мамочки! – не то испуганно, не то изумленно воскликнула, всплеснув руками, Татьяна. – Это же Аксенов, мой тренер! Неужели уже десять?!

Когда они, погасив парус, подошли к причалу, оказалось не десять – половина первого.

Но Аксенов и не думал сердиться.

– Андрей Иванович, – приветливо протянул он руку Олегу. – Ну, Левина, поздравляю с удачей! Отличный подвижной балласт нашла! – подмигнув ей правым глазом, кивнул на Олега. – Только для твоей “Юлии” такой исполин, пожалуй, будет тяжеловат.

“Пошляк какой-то, – сердито подумал Олег, с неприязнью отдергивая руку. – И как только Таня может с ним работать”.

– Да вы, я вижу, салага в парусном спорте, – сразу став серьезным, сказал Аксенов. – Простите меня, пожалуйста. Совсем не думал вас обидеть. Да и слова эти – подвижной балласт – вовсе у нас не обидные. Это, если хотите, высшая похвала мастеру-паруснику. А у вас для первого раза просто сверхотлично получилось. Вы природный парусник.

Стоя в сторонке, Таня чему-то загадочно улыбалась. Аксенов снова как-то непонятно подмигнул ей правым глазом и, встретив неприветливый взгляд Олега, дотронулся рукой до глаза.

– Это нервное.

Сказал просто, прямо посмотрев в глаза.

– А вы психолог, – с облегчением проговорил Олег.

– Нет, я тренер, – просто ответил Андрей Иванович. – И завтра же я займусь вами основательно. На занятия – ровно в десять, – добавил он строго, как давно решенное.

Олег никогда не опаздывал, не пропускал тренировки, хотя первое впечатление от них сразу вернуло его с небес на землю. Нет, парусный спорт вовсе не походил на бесконечный праздник. Это был прежде всего труд, Повседневный, упорный, бескомпромиссный, требующий не только большого физического напряжения, но и выдержки, настойчивости. И если в первые дни тренировок по разработанной Аксеновым программе – этой изнурительной, буквально каторжной работы усталость как-то компенсировалась одним присутствием Тани, ее звонким “так держать!”, то недели через три Олег просто перестал замечать в ней девушку.

Она стала товарищем, неотделимым от новой трудной, но увлекательной работы. Да, да! Татьяны-девушки, казалось, для него здесь, на воде, больше не было. Был, в лучшем случае, просто товарищ, которому Олег вот уже месяц коротко и строго бросал по сто раз на день:

– Лево руля! Так держать!

Их легкую “Юлию” Аксенов давно заменил на тяжелого “Зевса” типа “дракон”, и однажды, в конце сентября, когда кончался уже взятый специально на этот месяц отпуск, Олег неожиданно понял, что это им ему и Татьяне, стоявшим на широкой верхней ступени пьедестала почета, вручают золотые медали и алые, с гербом майки чемпионов республики.

Руки свои, загорелые, мускулистые, крепкие, Таня почему-то прятала за спиной. Даже до медали своей не дотронулась. По дороге в раздевалку он неожиданно остановился.

– Покажи руки!

Таня виновато улыбнулась, отрицательно покачала головой.

– Ничего особенного, – протянула она ему руки. – Заживет. В первый раз, что ли...

Олег осторожно развернул ее ладони. Они кровоточили. Кожа на запястьях и выше, почти до локтей, была сорвана.

– Сейчас же в медпункт!

Дома он не находил себе места. Перед глазами все время были ее руки со следами, оставленными жесткими канатами.

“Собственно, почему мы должны на яхте все операции управления выполнять сами, своими руками? задал он вдруг себе вопрос и остановился как вкопанный в центре комнаты. – Ведь это так просто – пригласить на помощь тружеников киберов...”

Олег хорошо помнил, как подошел он тогда к столу, придвинул поближе стопку бумаги, взял в руку карандаш и стал набрасывать схему. “Сотня-другая магнитных реле, – подумалось ему тогда, – и столько же датчиков послушно выполняют команды. Панель с тумблерами – возле руля. Просто и удобно. Рядом с рулем... аккумулятор питания или миниатюрный реактор, лучше водородный, здесь же, под сидением.

А в центре тяжести, у самой мачты, – механизмы-исполнители, собранные в компактный узел... Сиди, переключай тумблеры, впрягай киберышек в работу, и они мигом исполнят твою команду...”

Кое-что в рангоуте, правда, придется переделать. Добавится несколько блоков. Вместо управляющих канатов – стальные гибкие тросики с колечками фиксаторов, скажем, на каждые пять или десять сантиметров длины тросика. Можно изменить и сами паруса, сделать их из прочного тонкого пластика в виде заходящих один за другой длинных узких сегментов.

Выдержит ли только “Зевс” такую нагрузку? Датчики, киберы, электромагниты, стальные тросики, различные моторчики, блок автомата-исполнителя, реактор – все это добрую тонну потянет... А почему, собственно, “Зевс”? Почему не катамаран или даже тримаран?! Ведь если оглянуться на всю пройденную им парусную эпопею, если говорить со всей откровенностью, то нужно признаться хотя бы самому себе, что в душе он давно мечтает именно о таком корабле с его удивительными скоростными качествами и исключительной устойчивостью на воде, солидной грузоподъемностью, гондолой для отдыха и пусть с небольшой, но настоящей палубой.

Подойдя к видеофону, Олег набрал знакомый код.

Его сигнала, как видно, ждали: уже через несколько секунд на экране появилось изображение Тани.

– Как руки? – спросил он.

Девушка подняла руки, перебинтованные до локтей, и легонько потрясла ими над головой.

– Доктор сказал – до свадьбы заживет.

– А если серьезно?

– Больно, – опустила она глаза. – Тренироваться смогу теперь не раньше чем через месяц. Она посмотрела на Олега, грустно улыбнулась.

– Целый месяц теперь не увидимся.

– То есть как? Почему не увидимся? – удивленно воскликнул он. – Завтра же пойдем побродить куда-нибудь! В парк, на Владимирскую горку, а еще лучше в театр попасть. Давно мечтаю посмотреть вместе с тобой что-нибудь в русской драме. Или ты против?

Но лицо девушки говорило совсем о другом.

– Что ты, конечно, не против! – качнула она головой. – Я очень люблю театр. Просто я думала...

Она вдруг смутилась и спрятала лицо в свои забинтованные руки.

– Что же ты думала, Танюша?

– Что тебя только яхты интересуют. Яхты и киберы. Больше ты ничего и никого не замечаешь...

Она как-то странно посмотрела на него.

Олегу стало жарко под ее взглядом. Жарко и радостно. Но он не был полностью уверен в мелькнувшей где-то в подсознании догадке и поэтому заговорил с нарочитой непринужденно-

стью, пряча за нею свой страх ошибиться или – еще хуже – испугать то светлое, теплое, нежное, что увидел сейчас в ее глазах.

– Ты ошиблась, – весело рассмеявшись, сказал он. Правда, не совсем. Что ты скажешь, если мы поменяем нашего тяжелого “Зевса” на тримаран? Таня от удивления даже приподнялась с кресла. – На тримаран?!

Глаза ее смотрели на него с растерянностью.

– Так ведь с ним нам вдвоем ни за что не управиться, – явно волнуясь и стараясь скрыть это, медленно проговорила она. – Нужно будет вдвое, если не больше, увеличить команду, от нуля начинать все тренировки, заново отрабатывать координацию... И потом... Ты сам должен понять.

Даже на экране было видно, как загорелось ее лицо.

– Я все понимаю, Танюша, – серьезно ответил он. – И никто в наш экипаж больше не понадобится. И тяжело не будет. Справимся вдвоем. Нам помогут мои кибершники. А твои руки больше никогда не будут болеть!

Всю осень и зиму, с трудом выкраивая часы и минуты, Олег занимался расчетами, чертил схемы сложной электропроводки прямой и обратной связи, намечал точки установки кибернетических устройств, реле, датчиков. А когда после этого подсчитал количество команд, которые посредством тумблеров, установленных на общей панели управления, предстояло передавать кибернетическим устройствам – фиксаторам, датчикам, реле, удивленно поднял свои густые брови: их нужно было устанавливать не две-три сотни, а значительно больше.

Если, как он планировал, изготовить паруса из полосок пластика шириной в двадцать сантиметров и при этом учесть, что каждая полоска должна заходить за другую на семь сантиметров, то только на один грот потребуется 176 полосок, а значит и вдвое большее число реле. Но ведь на двухмачтовом тримаране будет, по крайней мере, семь парусов! Кроме главного – грота, грот-марсель, грот-трисель, бизань, крьюсель, кливер, бом-кливер. Да еще по парусу на каждом поплавке!

Было над чем подумать... К каждому реле, датчику, блоку нужно протянуть самостоятельную пару проводков, расположив их в общей схеме так, чтобы проходящие в них энергетические импульсы не влияли на соседние пары, не терлись, не рвались и по возможности даже не пересекались...

Нет, Олега не смущала сложность разработки схемы сетей потоков направляемой информации и ее энергообеспечения. Молодежь из отдела с удовольствием поможет разобраться во всем хозяйстве и смонтировать самую сложную схему команд управления. Не волновала и тяжесть пяти-шести тысяч кибернетических устройств. Десяти-двенадцатиметровый тримаран, каким его видел Олег, сможет спокойно принять до двадцати тонн груза, а вес экипажа из трех-четырёх человек даже с месячным запасом продуктов и воды, с радиостанцией, телевизором, походной библиотекой, аквалангами, фотокиносъемочной и демонстрационной аппаратурой, с множеством других бытовых мелочей не потянет и пяти тонн. Досаду вызывало другое: он представил себе огромную панель с тысячами тумблеров-включателей и... протяжно свистнул.

Положим, если хорошо подумать, кое-что можно здесь упростить, но все равно меньше, чем в тысячу прямых команд, не вложиться. Хоть ЭВМ устанавливай!

Стоп! А почему бы и нет? Что мешает? Отчего, действительно, не установить на борту один из старых компьютеров, скажем, типа “МИР”? Машина малогабаритна, да и модернизировать ее частично можно, ввести дополнительно несколько блоков из миниатюрных электронно-акустических устройств. Электронно-вычислительная машина не только укажет наиболее оптимальный вариант работы всех систем корабля на данный отрезок времени, учитывая заданный курс и скорость, но и сама включит нужное реле, чтобы привести всю систему корабля в соответствие с заданным режимом работы.

И вдруг он вспомнил сектор детской кибернетики института, тихий голос Дегтева: “Может быть, именно ты научишь их самих выполнять свои собственные советы...”

Он сел за стол и углубился в расчеты.

Шуршал по бумаге фломастер. Падали на пол исписанные рядами цифр и формул листки. Иногда, скомкав очередной лист бумаги, он несколько минут сосредоточенно думал, потом поднимал с пола накопившиеся мятые комочки, аккуратно разглаживал их, старательно складывал один к другому, спокойно разрывал пополам и бросал в корзину.

Но вот один из листков, покрытый строгими рядами цифр и математических знаков, находит наконец свободное место в правом углу письменного стола. Еще через час рядом ложится второй...

Кажется, все...

– А ЭВМ мы сблокируем с системой кибернетических устройств. Назовем ее “Практикой”, – улыбнулся Олег.

...Дни стремительно набежали один за другой, загруженные до секунды, заполненные до краев неотложными, безотлагательными делами. Работа, работа, работа... Схемы, усложненные бесчисленными, все новыми и новыми источниками информации. Первое время их приходилось переделывать по два-три раза в неделю. Рулоны чертежей, которые надо было просматривать и подписывать все без исключения. Долгий и мучительный поиск оптимальной конструкции микрофотореле, без которых никак нельзя было обойтись.

Ему, конечно, помогали. Отдел заметно расширился.

В нем появились не просто новые специалисты: сюда были направлены светила в тех областях знаний, с которыми теперь постоянно координировали свою работу математики. В отдел теории движения пришли физики, энергетики, инженеры-конструкторы, электроники, врачи, психологи, картографы, механики, судостроители и многие другие специалисты. Больше того, когда правительство выделило институту для внедрения новой системы автоматического управления судами более десяти строящихся и закладываемых речных и морских кораблей различного водоизмещения и назначения, отдел теории движения стал, по сути, мозговым центром, координирующим штабом, головным отрядом, на который работали теперь не только подавляющее большинство отделов, секторов, лабораторий, экспериментальных мастерских и других подразделений своего института, но и многочисленные коллективы предприятий судостроения и электронной промышленности, их конструкторские бюро, проектные и научно-исследовательские институты.

Задача вышла за рамки одной проблемы, одного ведомства. Ее успешное и быстрое решение в масштабах страны обеспечивало огромный экономический эффект. По крайней мере, вдвое мог увеличиться судооборот и вместе с тем не менее чем в пять раз уменьшиться состав экипажей.

Теперь Олегу было не до тренировок. Все личное потом, после... Пусть хотя бы первый корабль, оснащенный новой системой управления, сойдет на воду! Это ведь очень скоро! Еще каких-нибудь год-полтора, не больше...

Поздно вечером в конце мая ему позвонила по видеофону Таня. У нее стало какое-то другое лицо.

И глаза...

В театр они так и не сходили тогда. И даже позвонить ей ему всегда мешало что-то неотложное, срочное. А когда выдалась наконец свободная минута, то часы показывали далеко за полночь.

– Ты больше совсем не будешь приходить на тренировки? – спросила она, поздоровавшись.

– Что ты, Танюша, – обязательно буду, – убежденно и даже как-то испуганно ответил он.

– Когда? Через неделю или через месяц? Или уже в следующем году?

– Вот только освобожусь немного по работе...

Его пугал этот ее новый голос. Какой-то чужой, хрипловатый...

– Ты что, простудилась?... А как твои руки? – совсем не к месту вдруг спросил он, чтобы заполнить неловкую паузу.

Таня печально улыбнулась.

– За восемь месяцев даже новые отрасли могли бы... “Неужели действительно уже прошло восемь месяцев?” – с удивлением подумал он и все глядел, не мог оторвать взгляда от милого и дорогого ему лица.

– Нас посылают на практику в Забайкалье на все лето, – тихо сказала Таня. – Правда, Аксенов сказал, что в отношении меня он все это поломает, что нам тебе и мне – нужно готовиться к большой регате, которая обязательно будет во время фестиваля молодежи. Но если ты не хочешь... – Она запнулась и виновато посмотрела на него. – Прости, если не можешь из-за работы... То я лучше поеду на практику, – с усилием выдавила она из себя конец начатой фразы.

И вдруг без всякой связи спросила:

– А как твой сказочный тримаран?

И, не получив ответа, добавила, сдержанно улыбаясь:

– Я как-то рассказала о твоих фантазиях Аксенову, и представь, Андрей Иванович прямо загорелся... Может, не надо было ему говорить?

Олег снова тогда промолчал. Работы по созданию и внедрению блока управления движением корабля “ЭВМ-ПРАКТИКА” стали секретными. Временно, конечно. До проведения эксперимента, то есть до ходовых испытаний и получения первых, пусть даже самых приближенных результатов – научных, технических, экономических... Что он теперь мог сказать ей, Татьяне, из-за нежных, таких родных ему рук которой, собственно, и началось все...

Пробормотав что-то невнятное о детских мечтах, он спросил, когда начинается у них практика.

– Завтра утром улетаем в Красноярск с Бориспольского аэродрома. На аэродроме нужно быть в десять. Приходи проводить, если сможешь...

В голосе ее слышалась едва скрытая ирония.

А он действительно не смог ее тогда проводить. Из Николаева приехали судостроители, и начавшаяся в восемь утра “пятиминутка” окончилась только к одиннадцати часам.

С тоской посмотрев на темный экран видеофона, Олег поехал к деду. Не вдаваясь в подробности, скупно рассказал ему, что очень загружен работой, что из-за этого невольно обидел Таню и что ему очень неловко перед нею за эту нетактичность. Ведь они большие друзья...

– Да брось ты мне мозги засорять, – неожиданно рассердился Захар Карпович. – Тоже мне конспиратор! Интеллигента из себя корчит! “Большие друзья”, “нетактичность”, – передразнивая внука, размашисто ходил он по кабинету. – И откуда только трусость эта у тебя! Любишь девушку, так не распускай слюни, а скажи ей об этом. Она, видно, давно ждет, бедняжка...

Генерал подошел к видеофону, набрал код телеграфа.

– Иди, передавай телеграмму в Красноярск. Коротко и ясно: “Аэропорт. Пассажирский рейс “Киев-Красноярск”. Левиной Татьяне. Люблю, обнимаю, целую. Олег”.

“Как у него все просто”, – мелькнула у Олега мысль, но советом деда он поспешил воспользоваться немедленно. И уже через четыре часа в его кабинет в институт принесли ответ: “Очень рада. Спасибо. Целую. Таня”.

От сердца сразу отлегло. Наступила какая-то легкость и радость во всем. На работе на все находил время. Консультировал, проверял, торопил. Все спорилось, все горело в руках. Несколько раз после отъезда Тани он выезжал в командировки на разные судоверфи. И вдруг в середине июля неожиданный вызов в партком. Его приглашали срочно, немедленно.

Олег хорошо знал, что секретарь парткома – бывший полковник-артиллерист Кузьма Иванович Гаращенко – по характеру сродни его деду, и не стал задерживаться. Сложив в папку на всякий случай последние сводки о ходе выполнения графиков работ на закрепленных объектах, он спустился лифтом на первый этаж и, вскочив в свободную пассажирскую электро-тележку, на которых обычно сотрудники института передвигались по его довольно обширной территории, помчался к административному корпусу, расположенному в полутора километрах от отдела теории движения.

Он ожидал всего: каких угодно вопросов, любых заданий и поручений, какой угодно встречи, но только не этой.

Открыв дверь, Олег растерялся. За длинным столом, вокруг которого обычно сидели члены парткома, непринужденно, как добрые старые знакомые, беседовали Кузьма Иванович и... Аксенов.

– Входи, входи, – приветливо поднялся навстречу секретарь. – Присаживайся. Дело серьезное, без твоего участия его не решить... Мы тут, не трогая тебя временно, сами этим вопросом вместе с комсомолом и спортивным комитетом уже полтора месяца занимаемся.

Не хотели тебя от работы без нужды отрывать. А теперь, пожалуй, самое время, – загадочно улыбнулся он. – Собственно, темнить тут нечего. Сейчас сам все увидишь и поймешь. А позвал тебя сюда, в партком, чтобы без свидетелей сказать: за воплощение твоей мудреной идеи его вот, Андрея Ивановича, благодари прежде всего. Настырный, неугомонный человек. Клещ просто. Я его еще по БАМу знаю. Там, где всего труднее, – Аксенов. И люди за ним валом валят. Доверяют.

И идеям, и делам, и самой необходимости впрягаться в эти дела, исполняя их со всей отдачей. Так было на самых ответственных участках строительства Байкало-Амурской магистрали. Ты уж мне поверь. А теперь здесь всех нас твоим тримараном заразил. Просто наваждение!

Он не спеша подошел к сейфу, трижды повернул ключ, открыл тяжелую дверцу.

– Вот, прочитай, – протянул Олегу фирменный бланк. – Это правительственная телеграмма. Из Москвы.

“Учитывая ваши пожелания, – совершенно растерявшись, буквально глотал составленные из больших букв строчки Олег, – всю важность скорейшего проведения предварительных ходовых испытаний блока “ЭВМ-практика” по упрощенной схеме в целях последующей координации и доработки новой системы, автоматического управления для морских и речных кораблей большого водоизмещения, разрешаем провести первые испытания на легком парусном судне типа “тримаран”, предложенный вами состав команды в количестве трех человек – Аксенова А.И., Левиной Т.А., Слюсаренко О.В. – утверждаем. Испытания рекомендуем провести в соответствии с предложенным вами графиком с 1 по 30 августа сего года в бассейне реки Днепр на участке Киев-Херсон с выходом в Черное море в районе Очаков-Одесса”.

– Так ведь его еще надо построить, Кузьма Иванович, – с трудом оторвав глаза от телеграммы, выдохнул из себя Олег.

– Этим мы и занимались почти полтора месяца, пока ты колесил по судоверфям, занимаясь переоснасткой будущих океанских и речных лайнеров, – усмехнулся Гаращенко. – Сегодня уже можно кое-что посмотреть. Поехали в наш бассейн, – поднялся он.

...Все началось на следующий день после отлета Тани. Не встретив Олега в Бориспольском аэропорту и не дозвонившись до него ни днем на работу, ни вечером домой, Андрей Иванович приехал в Институт кибернетики. Долго и безуспешно добивался он пропуска к Слюсаренко. Несколько раз подходил к окошку, терпеливо и настойчиво просил разрешения пройти в отдел, где работает его спортсмен, но ему неизменно вежливо отвечали, что Олег Викторович очень занят.

– Тогда дайте мне его домашний адрес. Уж там я его непременно застану хоть в полночь и от дела не оторву.

– Товарищ Слюсаренко недавно получил квартиру в Феофании, а без специального пропуска на территорию института вход категорически воспрещается, – все с той же убийственной вежливостью ответили ему из окошка.

– Что, мне в районный комитет партии жаловаться идти, что ли, – повысил голос Аксенов. – К простому парню, словно к почетному академику, пробиться нельзя!

– Не такой уж он и простой, – мило улыбнулась из окошка вежливая девушка. – Пока, правда, не академик, но скоро и академиком будет. А в райком – зачем же? Зайдите для начала в наш партком. Может, и помогут вам там. Это с улицы налево второй подъезд.

Окошко захлопнулось.

– Дела, – в недоумении протянул Андрей Иванович. – Тоже мне, юмористка... И не улыбнулась даже...

Он зашагал в партком.

Совершенно неожиданная и от этого еще более радостная и сердечная встреча со старым товарищем по строительству Байкало-Амурской магистрали подняла его настроение, но уже через несколько минут после первых объятий он понял, что Олег действительно очень занят. С удивлением узнал Андрей Иванович, что его прилежный ученик, замечательный “подвижный балласт” и отличный капитан тяжелого “Зевса”, завоевавший восемь месяцев назад “золото” и майку чемпиона республики, вдруг перестал ходить на тренировки вовсе не потому, что возгордился. У заведующего отделом Олега Викторовича Слюсаренко действительно очень важная и ответственная работа. Она занимает у него все время без остатка, и оторвать его от этой работы практически невозможно.

– Тебе по старой дружбе скажу, – доверительно нагнулся к Аксенову Кузьма Иванович. – Если у Олега Викторовича на практике получится то, что задумано и обосновано теоретически, а к тому идет, то яхты твои как реактивные самолеты по воде помчатся.

Аксенов внимательно слушал старого товарища. Он уже понял, что давешний Танин рассказ о мечте Олега создать сказочный тримаран – совсем не фантазия.

Кто их знает, этих теперешних двадцатилетних ученых, что там у них на уме... И еще твердо знал тренер Аксенов, что если поставить сегодня рядом физиков, математиков и поэтов, то вряд ли сразу точно определишь, в ком из них больше лирики и романтики. А такая девушка, как Таня, может любого математика под эту самую лирику подвести, вдохнуть романтику, заставить и самую невероятную мечту, самую фантастическую сказку обратить в быль.

И он мягко, но настойчиво стал убеждать старого друга в том, что нельзя убивать родившуюся мечту и бесконечно искушать такое прекрасное чувство, как любовь, нельзя выжимать из человека все соки без остатка, делать его рабом пусть даже любимой работы.

И потом, это самое главное, Олег – врожденный спортсмен-парусник. Его наметили включить в сборную Советского Союза на фестиваль молодежи, и разве плохо будет, если он со своей командой одержит победу в большой регате вокруг Южной Америки? А судя по всему, для этого есть возможности.

Тренер Аксенов был опытным педагогом. И он очень хорошо знал: чтобы его поняли, правильно восприняли его идею, надо не просто объяснить задачу и цель, нужно заинтересовать, зажечь, заразить ученика или слушателя этой идеей, сделать так, чтобы ее воплощение стало кровной потребностью того человека, которому он хочет ее привить.

– Ну что плохого будет, если оснащенный кибершками тримаран, – Аксенов запомнил это слово из рассказа Тани, – неделю-другую походит по Днепру? Вместе с Олегом и его командой, конечно... Для порядка и я мог бы с ними походить. Как тренер, – посмотрел он прямо в глаза Кузьме Ивановичу.

Но Гаращенко промолчал, пряча в уголках губ усмешку. И Аксенов, выждав минуту-другую, неторопливо продолжал, как бы размышляя вслух:

– Собрать тримаран в самом лучшем виде могли бы помочь члены нашей секции. Да и у вас в институте молодежь, наверное, охотно приняла бы участие в живом деле. После работы... А хлопцу такой отдых никак не помешает. Да и не отдых вовсе это будет, а ходовые испытания модели. Собрать его в нашем зимнем плавательном бассейне можно без всяких помех. Я договарюсь в обществе. Сейчас лето. Все тренировки на воздухе...

– Зачем же в вашем, – хрустнув косточками пальцев на руках, вдруг перебил его Кузьма Иванович. – У нас в институте и свой зимний бассейн имеется. Да еще какой!

Он обошел кресло, в котором сидел Аксенов, ласково обнял друга за плечи.

– Ох, и заноза же ты, Андрей. А ведь убедил. С какой стороны ни посмотри – убедил. Признаю, что и отдых Олегу Викторовичу нужен, – усевшись рядом с Аксеновым, серьезно, уже без улыбки говорил он, загибая на левой руке пальцы, – и что молодежи из его отдела практически на монтаже поработать полезно, и что участие в регате весьма почетно... А вот о ходовых испытаниях модели... Это, друг мой, уже не нашей компетенции вопрос. Тут не только с директором института советоваться надо, тут куда выше необходимо запрос на “добро” посылать. По сперва – к директору. Ты посиди здесь. Я сейчас.

Он возвратился в кабинет только через два часа. Трудно сказать, о чем говорили они с академиком. Но, судя по довольному лицу Гаращенко, разговор был удачным.

– Получили принципиальное согласие, – коротко сказал он поднявшемуся с кресла Аксенову. – Так что за тобой, Андрей Иванович, вернее за обществом “Буревестник” сам тримаран, его корпус вместе со всеми парусами. Корпус самый современный. Из пластика “А-16”. Он легче воды и прочнее высокомарочной стали. Если такого нет, давайте чертежи для форм. Так, пожалуй, даже лучше будет. Сразу внесем необходимые коррективы в конструкцию и через недельку отольем у нас. Монтаж всей начинки – в нашем бассейне. Им займется наша молодежь. Комитет комсомола выделил двадцать человек. В основном из отдела теории движения. Самого же Олега Викторовича пока отвлекать от работы не будем. Ему предстоит в ближайшее время две серьезных командировки. А когда основное будет сделано, приподнесем ему этот сюрприз.

Лицо Аксенова сияло. Он просто не находил слов, чтобы в полной мере выразить благодарность другу.

Но тот посмотрел на него строго и по-военному четко сказал:

– Чертежи парусника – завтра. Связь держать со мной или с комсоргом института Алексеем Скворцовым. Он работает ученым секретарем в отделе Олега Викторовича и в курсе всех его планов и разработок. В отделе кадров, вторая дверь налево от парткома, получи постоянный пропуск в институт. Там знают. И – до завтра, – протянул он Аксенову руку. – Через час у меня заседание парткома. Извини, но нужно еще кое-что подготовить.

Аксенов уже дошел до двери, когда Кузьма Иванович неожиданно снова окликнул его.

– Подожди, Андрей. Есть тут одно... деликатное дело, – после небольшой паузы нашел он наконец подходящее слово. – Оно, пожалуй, по твоей части... Ведь Таня Левина твоя ученица? – не то спрашивая, не то утверждая, произнес он, подойдя к другу и положив ему руку на плечо.

– Да, моя. Но она сейчас на университетской практике где-то в Забайкалье.

– В том-то и дело, дружище... Вызвать бы ее нужно оттуда. Через твой “Буревестник”, федерацию парусного спорта или еще как-нибудь... Для участия в ходовых испытаниях или просто для подготовки к фестивальной регате, – лукаво посмотрел он на Аксенова.

И пояснил уже вполне серьезно:

– Недавно дед Олега Викторовича ко мне навевывался. Бывший мой командир корпуса, а потом и командарм. Беспокоится старик. И, по-видимому, не без оснований. Поделится сво-

ими сомнениями, – вздохнул Кузьма Иванович. – Надо, говорит, помогать молодым семейную жизнь налаживать. Пора, мол, уже. Соображаешь? А Олег Викторович какой-то робкий в этом деле. Да и работа его совсем от девчонки отгородила.

– Я-то давно сообразил, – усмехнувшись, вдруг заморгал глазом Аксенов. – Очень рад буду, если все у них в этом смысле наладится. Пара-то какая! И ведь любят друг друга. Сегодня же оформлю вызов Татьяне.

...Олег увидел его сразу, как только, минуя душевые и раздевалку, они вошли в величественный зал бассейна. Его золотисто-оранжевый корпус слегка покачивался на воде, а бело-снежные с голубым поплавок словно парили над водной поверхностью. Да и как было его не заметить, когда грот-мачта тримарана поднялась к самому своду бассейна – более чем вдвое выше девятиметрового трамплина для прыжков в воду.

– Корпус гондолы, как и поплавков, полностью отлит из пластика “А-16” толщиной в один сантиметр, деловито пояснял между тем Аксенов Олегу. – Сегменты парусных наборов, их у нас три комплекта – белый, красный и оранжевый – тоже изготовлены из него.

Только они в пять раз тоньше. Длина средней части судна от форштевня до кормы – пятнадцать метров. Каждого поплавок – восемнадцать. Ширина их, соответственно, три с половиной и один метр. Водоизмещение, таким образом, составило тридцать три тонны.

– А грузоподъемность?

– Десять тонн.

– Так мало? – поднял брови Олег. – Я ожидал большего...

– Совсем не мало, – усмехнулся Аксенов. – С запасом. Значительно больше, чем нужно для двухмесячного автономного плавания команды из трех-четырёх человек.

– По моим расчетам выходило больше.

– Ты не учел металлический балласт, – спокойно пояснил Аксенов. – Для увеличения глубины центра тяжести, то есть для большей устойчивости судна, мы сделали металлический киль весом в две тонны. Кроме того, гондола оборудована ложным дном, где установлен свинцовый передвигающийся балансир весом пять тонн. Передвигаясь по команде электронно-вычислительной машины на специальных пазах от кормы к носу или наоборот, заняв оптимально выгодное положение, он почти полностью устраняет дифферент. На каждом поплавке, которые с помощью механических рук могут отходить от гондолы до восьми метров, также установлены автоматически передвигающиеся свинцовые балансиры весом по полторы тонны каждый. Помимо этого дополнительного груза, на обоих поплавках установлены водородные реакторы и моторы с запасом горючего, десятидневный запас продуктов и пресной воды, портативная рация, ракетница, спасательные костюмы, аптечка.

– А это для чего? – не понял Олег.

– Тримаран рассчитан на плавание в любых водах, ответил за Аксенова подошедший к ним Алексей Скворцов. – А в море или в океане всякое может случиться. При аварии, повреждении жилой части корабля экипаж может перебраться на любой из уцелевших поплавков и добраться до берега.

– Ты-то, Алеша, что здесь делаешь? – спросил Олег.

– Он у нас главный консультант по оснащению корабля автоматической системой управления движением на базе блока “ЭВМ-ПРАКТИКА”, – невозмутимо, как бы между прочим, ответил опешившему Олегу Аксенов.

– На основе ваших же расчетов, Олег Викторович, поспешил пояснить Скворцов. – Я нашел их у вас в столе, в папке с первоначальной рукописью выведенной формулы автоматического управления движением.

– Понятно, – тихо сказал Олег, и нотка обиды прозвучала в его голосе. – А парусную часть консультируете, как я понял, конечно, вы, Андрей Иванович?

Аксенов немного помедлил с ответом, глядя, как из гондолы тримарана на палубу поднимается маленькая стройная фигурка в голубом комбинезоне.

– Почему же только я, – улыбнулся ей, подмаргивая правым глазом. – Вот и Таня помогает, и еще несколько ребят из секции. А от института – двадцать пять человек. Работы тут много...

– Какая Таня? – с ударением на последнем слове перебил его Олег, перехватив взгляд Аксенова. – Она же на практике.

– Была, – усмехнулся тренер. – Когда утвердили проект тримарана и начали отливать корпус и сегменты парусов, вызвал ее сюда. Уже больше месяца в бассейне трудится. Даже домой ночевать не уходит, как и все они, – кивнул он на группу стоявших в стороне ребят.

– Месяц здесь и даже не позвонила, – растерялся Олег.

– Вы же по уши завязли в командировках, – вовремя вмешался в их разговор Гаращенко. – Да и беспокоить вас, отрывать от дела строго воспрещалось.

Олег бросил на него испытывающе-вопросительный взгляд.

– Шутите, Кузьма Иванович? Кто мог запретить?

– Директор института, тренер Аксенов и ваш покорный слуга, – наклонил голову парт-орг. – Для пользы дела. Чтобы не отвлекались от главного, – широким жестом показал он в сторону воды, и трудно было понять, о корабле идет речь или о девушке, все еще стоящей на палубе тримарана. – А потом, между нами, мужчинами, – наклонясь к самому уху Олега, тихо добавил Кузьма Иванович, – ты ведь и сам не без грешка. За десять месяцев и не вспомнил, не позвонил. Даже в Борисполь проводить времени не нашел. Деятель...

У Олега все закипело внутри. Он хотел ответить что-то резкое, колючее, но, увидев смеющиеся глаза секретаря парткома и лукавую улыбку тренера, как-то сразу обмяк, широко улыбнулся обоим и поднял руки.

– Сдаюсь. Спасибо вам огромное за все.

– Вот так-то лучше, – весело сказал Кузьма Иванович. – Я же тебе говорил, Андрей, что он умный и все поймет...

Все трое весело рассмеялись.

– Ну, а теперь, – серьезно посмотрев в глаза Олегу, тоном приказа произнес Гаращенко, – теперь – за дело! Две недели на доводку под твоим непосредственным наблюдением и прямым вмешательством, а с первого августа – на ходовые испытания. Думаю, ты лучше меня понимаешь, как важны нам результаты вашей будущей “прогулки”...

Эти две недели до августа были не только днями увлекательной работы, но и удивительных, прямо-таки гениальных открытий. Не его – ребят. Каждый искал и находил что-то оригинальное, вносил свою лепту в совершенствование тримарана, его экипировки. Ты вдумайся: Леля Яловенко предложила созданный ею миниатюрный прибор для ионизации, очистки и увлажнения воздуха в жилом кубрике и поддержания в нем постоянной заданной температуры. Этот своеобразный кондиционер использовал энергию водородного реактора, вентиляционную систему, забортную воду и несколько квадратных метров плотной фольги для тепловых экранов. Володя Аншин разработал автоматическую выдвижную лестницу-трап. Валя Рыскова придумала аварийные сбросы мгновенного действия для двух боковых резервуаров пресной воды. Над компактной расстановкой приборов и тумблеров пульта управления работали Виктор Лидохович, Светлана Воробьева и Володя Шнайдер. Видишь, как работали ребята? И это далеко не все! Лида Траневская и братья Слава и Вениамин Ипполитовы внесли ряд усовершенствований в довольно громоздкий опреснитель морской воды, после чего он стал настолько компактным, что почти незаметно вписался в камбузный уголок кубрика. Борис Бабаевский, Руслан Булгаков и Зина Ярошенко занимались планировкой сложного холодильного хозяйства. Двенадцать камер для хранения продуктов питания и питьевой воды, каждая объемом в кубический метр, они разместили в средней части гондолы над реактором, блоками машинной

“памяти” и автоматами управления так удачно, что смогли выкроить по обоим их сторонам довольно широкое пространство для прохода вдоль бортов. Вот так, дорогой Олег Викторович. Что ты на это скажешь?

Олег только молча пожал плечами. А Гарашенко продолжал:

– Слушай дальше. Конец левого коридора упирался в дверцу, ведущую в рубку наблюдения и управления, а правого по совету Ляли Басовой был превращен в небольшую спальную каюту, где при необходимости на мягких откидных кроватях-полках очень удобно могли устроиться два человека. Кубрик корабля рассчитан на три спальных места...

Его рассказ все больше удивлял Олега. Да, что ни говори, славно поработали товарищи! И телевизор-рацию изобрели, поставили, и много другой необходимой аппаратуры. Гарашенко все называл и называл фамилии особо отличившихся изобретателей и рационализаторов, силами которых производилась внутренняя и наружная оснастка тримарана. Камбуз... Печь с тремя горелками и духовкой... Опреснитель воды, кипятильник и вытяжная вентиляционная установка... Библиотека и фильмотека... Кино- и фотосъемочная, аппаратура... Сложная парусная оснастка с кибернетическим управлением... Да разве все перечислишь!

Перед самым завершением работ всех удивил двенадцатилетний Сережа – сын Андрея Ивановича Аксенова.

– Зачем вы ставите габаритные огни? – с детской непосредственностью спросил он у занятого этой работой Володи Самургашьяна. – Модели кораблей мы давно покрываем фосфоресцирующим лаком. Видно за три километра...

Таня принесла два десятка электронно-магнитных пластинок и какой-то продолговатый черный прибор, напоминающий то ли школьный пенал, то ли микрофон.

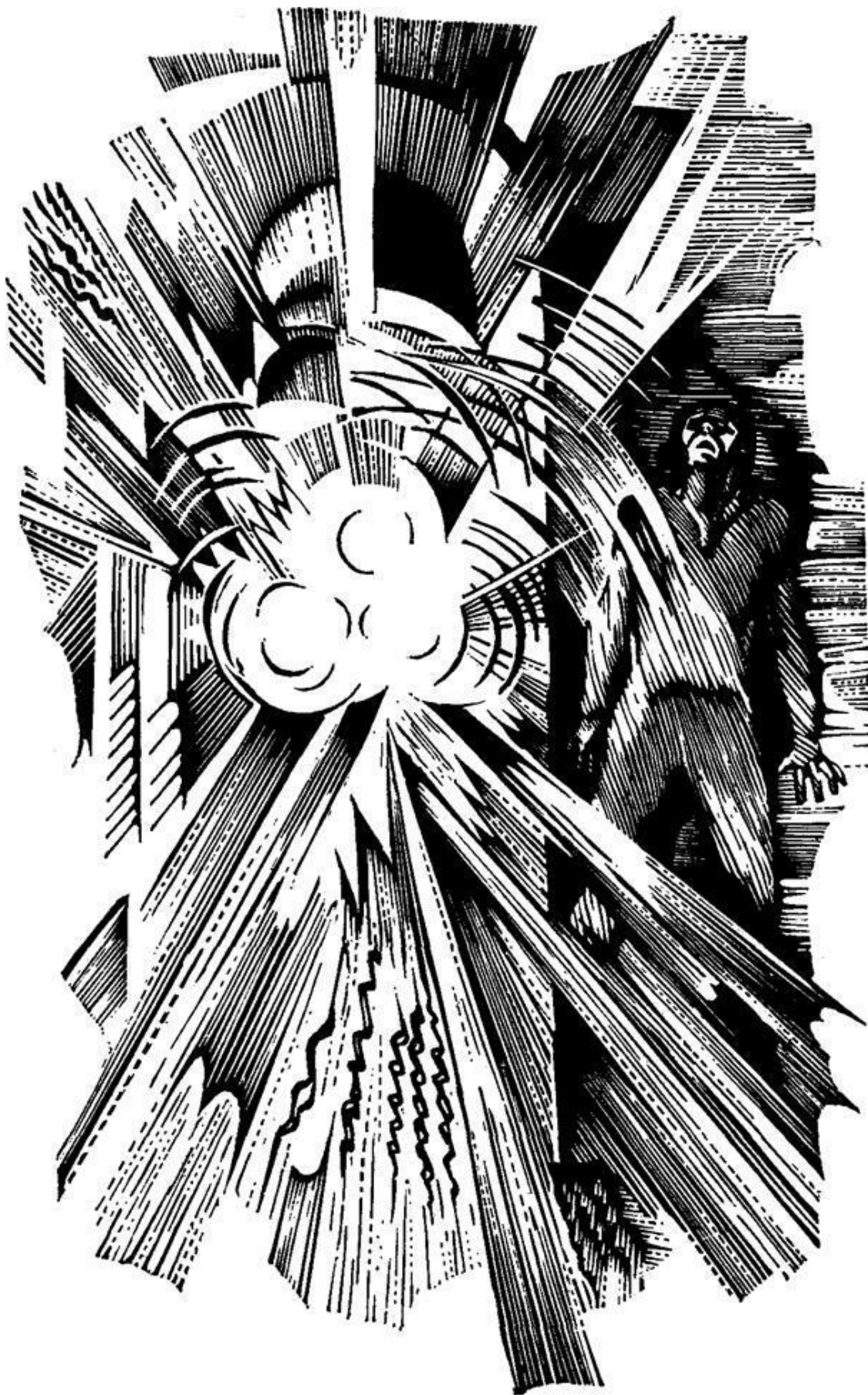
– Это видеозаписи окружающего ландшафта нашей трассы, – сказала она Олегу, показывая пластинки, сложенные в коробочке. – Я взяла их в методкабинете на кафедре. Там вся природа – и флора, и фауна.

– А эта трубка? Она для озвучивания? – показал Олег на черный прибор.

– Секрет фирмы, капитан! – улыбнулась Олегу Таня. – И будущая мечта каждой запасливой хозяйки. Проверим в действии на Днепре, а затем и в море...

Потом было двадцать девять удивительных дней.

С заданной крейсерской скоростью, обгоняя пассажирские теплоходы, доверху груженные баржи и самоходки, речные трамваи, тримаран с безлюдной, как у летучего голландца, палубой не плыл, а парил над Днепром, тихонько пощелкивая датчиками и реле.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

...Тоннель, казалось, был бесконечным. Часы молодого кечуа на руке Роберто отсчитывали уже вторые сутки, а они с дедом все шли и шли под его высоким, слепяще-белым сводом, от яркого сияния которого начинали болеть и слезиться глаза.

Особенно трудно было Фредерико. Сказывались прожитые годы, четырнадцать дней тяжелого пути по каменистым и ледяным горным тропам, пережитое нервное потрясение от невиданной доселе картины грохочущего, полыхающего страшным огнем вулкана и стонущей, дрожащей от могучих толчков земли. А потом еще этот древний талисман аймара, открывающий подземные врата, и удивительный тоннель с сияющим, словно полуденное солнце, сводом.

Давало о себе знать и постоянное недоедание в пути, длительное отсутствие горячей пищи. Дрова у них кончились на восьмой день, а на почти пятикилометровой высоте, куда увела их тропа, только скалы и снег. И без того скудный запас пищи полностью иссяк еще за три дня до подхода к скале Ау. Последнюю лепешку они съели там, на тропе, уверенные, что, спустившись с крутизны на плато через день-другой, раздобудут что-нибудь съестное, наловят рыбы в водах озера Тотокуку и уж, конечно, найдут пищу в одном из храмов аймара. Жрецы храмов всегда получали богатые приношения за исполнение обрядов и щедрые жертвоприношения для могущественного солнцеликого Виракочи. Они никогда не отказывали паломникам, а тем более соплеменникам в крове и еде. Знали, что те отработают сторицей.

Но древние храмы навсегда исчезли в пучине озера. Видимо, разгневали жрецы своей жадностью солнцеликого Виракочу. А их теперешний путь, путь Роберто и Фредерико, был неведом, наверное, даже ему. Иначе он давно подал бы знак, помог найти еду и воду... Правда, аймара издавна терпеливо умеют переносить голод. Не сутки, а целых пять дней, даже неделю смогли бы еще Роберто и Фредерико продолжать свой путь и без пищи – ведь в конце концов когда-нибудь кончится этот тоннель! Но на помощь голоду пришел куда более страшный враг – жажда. С каждым часом оба они все больше теряли силы, все чаще останавливались и отдыхали в полуобморочном забытьи, в тяжелой дреме, от вязких пут которой каждый раз все труднее было освободиться.

Сквозь давящую кошмарную дремоту им грезились искрящиеся водопады на склонах родного плато, талый снег предгорий, свежая вода в высоком кувшине на маленьком табурете сразу за порогом их дома. Они видели, с каким наслаждением пьют из этого старого кувшина прохладную, удивительно вкусную воду и Секстина, и Дийяда, и Мадлен. Но стоило поднести тонкое горлышко кувшина к пересохшим губам Фредерико или Роберто, как она застревала в нем, не просачиваясь ни единой каплей, сколько ни трясли они перевернутый кувшин. И тогда они просыпались в липком холодном поту, приходили понемногу в себя от тяжелой дремоты, поднимались и снова шли вперед, все больше теряя последние грани надежды на спасение.

А тоннель был совершенно сухим. На идеально гладкой округлой его поверхности, словно выплавленной в гранитно-базальтовой толще, не просматривалось ни единой щелочки, ни малейшего намека на хоть какую-нибудь возможность проникновения влаги. Тысячи километров прошагал под землей за долгие годы работы на рудниках старый Фредерико, да и Роберто отмерял ногами порядочно подземных штолен, штреков, переходов, ходов. Но даже в самых сухих, самых жарких из них всегда можно было отыскать хотя бы камешек, хранящий грани драгоценной влаги, пососать, подержать его во рту, увлажнив хоть на несколько минут одувевший от жажды язык.

Ничего подобного тому, что увидели, с чем столкнулись они здесь, оба никогда не встречали. В верхней части высокого свода, строго по центру, бесконечной метровой полосой сиял странный светильник. Справа и слева от него гладкая поверхность стенок тоннеля до самого

основания была словно отполирована искусным ювелиром. Она искрилась мириадами ярких вкраплений: блестками слюды, кварца, горного хрусталя и старый Фредерико мог в этом поклясться самому Виракоче – сиянием настоящих алмазов. Будто весенняя радуга, пестрели своды и стены тоннеля неповторимыми формами прожилок всех цветов и оттенков, сверкали, переливаясь, под ярким светом, отливали то вороненой сталью, то нежным серебром, то красной медью, то удивительной желтизны золотом.

Высота свода достигала метров пяти. Книзу тоннель округло сужался, образуя в основании две дорожки, каждая шириной метра по два. Точно посередине их разделял такой же бесконечный, как и сам тоннель, монолитный квадратный выступ темного цвета с глянцево-бархатистой поверхностью высотой и шириной в полметра. Настил пола обоих дорожек был сделан из прочного литого материала серого цвета. Но он не был похож ни на асфальт, ни на бетон, хотя поверхность его была немного шероховата. Роберто иногда даже казалось, что пол пружинит у него под ногами, что он очень тоненький – как первый зимний ледок на реке. Порой ему чудилось, что под этим ледком журчит, переливаясь, вода. Каждый раз он порывался сказать об этом деду, но усилием воли сдерживал себя. Мало ли что могло ему померещиться... Такое не один раз случалось с ним и в шахте, когда совсем еще молодым пареньком, почти ребенком, толкал он вверх под уклон крутыми штреками тяжелые вагонетки с рудой. Подгибались от непосильного напряжения не окрепшие еще колени, градом катился по лицу и по всему телу пот, что-то непрестанно гудело в затуманенной голове.

Пить... Пить... Пить... Вот тогда-то и слышался ему сквозь дурмящий голову гул звонкий переливающийся голосок желанного ручья, веселая песня его нежных, ласкающих водных струй, что лились с камня на камень там, наверху, по скалистым отрогам гор, щедро рассыпая по сторонам свежесть хрустальных брызг.

Нет, нельзя желаемое выдавать за действительное, как бы этого ни хотелось. Никак нельзя будоражить сомнительным наваждением, а это ни что другое, как наваждение, – убеждал себя каждый раз Роберто, тревожить и без того вконец обессиленного старика. Дед опытнее, много опытнее его, Роберто, и уж если он молчит, если не слышит этого журчания, то нечего и ему лезть вперед со своими галлюцинациями.

Так и шли они вперед шаг за шагом, километр за километром, помогая один одному, поддерживая и ободряя друг друга. Но с каждым часом все короче становились их переходы, все длительней время отдыха и меньше в сердцах надежды на то, что увидят наконец желанный выход из этого сияющего кошмара.

Юноша давно обратил внимание, что по левой стороне тоннеля, примерно в километре друг от друга находились довольно глубокие ниши. Метра на полтора вдавались они у основания в стену тоннеля. Ширина каждой достигала, примерно, трех метров. В них свободно могли поместиться несколько человек. Ниши были облицованы чем-то белым, напоминающим мрамор. Но вряд ли здесь использовали естественный материал: белое совсем не походило на яркую текстуру сводов и стен самого тоннеля, выделялось своей инородностью. Кроме того, оно было цельным, без единого намека на соединяющий шов даже в прямых углах и с боков.

Наличие ниш само по себе казалось Роберто вполне естественным. В шахтах и на рудниках они устраивались в каждом тоннеле и даже в сравнительно коротких штольнях и штреках, в тех местах, где для перевозки грузов и руды использовался конный или электрический транспорт, чтобы люди при необходимости могли полностью освободить для него путь. Но пробежать четыреста-пятьсот метров, как это пришлось бы сделать здесь в случае, если транспорт застанет тебя посередине между двумя нишами, было бы не так-то легко, практически даже невозможно. Удобнее, пожалуй, просто перейти на другую дорожку, а если заняты окажутся обе одновременно, стать на разделяющий их выступ. Возможно, он именно для этого и предназначен... В самих же нишах Роберто несколько удивляло и даже настораживало то, что у каждой из них на центральной белоснежной стене были начертаны одни и те же непонятные знаки.

На уровне груди выделялись два серебристых, одинаковой формы прямоугольника размером около тридцати сантиметров в ширину и двадцати – в высоту.

Над левым прямоугольником – такой же серебристый усеченный конус. Его основание – примерно пятнадцать сантиметров, сечение в верхней части – пять, а высота – около тридцати сантиметров.

Конус над правым прямоугольником – несколько шире в основании и сечении, но почти наполовину меньший по высоте. На поверхности обоих конусов, словно яркие цветы на клумбе, множество пятнышек самых разных оттенков величиной в сентаво каждая. Роберто насчитал на левом конусе восемь рядов таких пятнышек – по пять в ряду, а на правом – десять рядов, по двенадцать пятнышек в каждом ряду.

В сечениях обоих конусов выделялись своей яркостью еще по три пятнышка размером с песо – синее, желтое и зеленое. А под ними, отделенные от тех, что расположены рядами, тонкой сиреневой полоской, – по одному красному, вдвое большего размера.

Несколько раз Роберто протягивал было руку, чтобы дотронуться, тихонько погладить эти веселые пестрые пятнышки, но врожденная осторожность индейца, обостренный, почти звериный инстинкт самосохранения брали верх. Больше всего его настораживал, – он и сам это хорошо понимал, – еще один серебристый знак, начертанный чуть повыше правого конуса. Он строгими своими линиями очень походил на привычный рисунок молнии, щиты с изображением которой вывешивали на руднике возле оголенных проводов, электрокабелей большого напряжения, на трансформаторных будках, возле силовых подстанций, аккумуляторных и электродизельных камер, у контактных проводов подземных и наземных электровозов, а также вблизи других источников электрического тока, опасных для жизни людей. Правда, верхняя часть знака оканчивалась не стрелой, а раздвоенными зубьями. Округлое же с одной стороны утолщение нижней части напоминало скорее лезвие мачете ¹³. Серебристый знак пугал, сам собой отталкивал руку...

Нет, осторожность тут вовсе не помешает. Не исключено, что там, за белой облицовкой ниши, скрыта энергетическая установка, дающая ослепительно яркий свет тоннелю, открывающая ворота-скалы, обеспечивающая функционирование его мощных вентиляционных систем. Вон какой ласковый ветерок обдувает сейчас их усталые лица... Не сам же он то появляется вдруг, то пропадает бесследно, то снова возникает, трепетный, нежный, с едва уловимым, но до боли знакомым ароматом трав, цветов и свежей листвы после легкого летнего дождика.

Целый долгий час шли они к очередной нише. А когда достигли ее, то увидели на правой стороне тоннеля точно, такую же. На белом фоне ее облицовки четко выделялся другой, совершенно непонятный, ничего не напоминающий серебристый знак: на гладкой пластинке – восьмиугольная голубая звезда, сверкающая, словно настоящий бриллиант, и кто знает, о какой опасности предупреждает она...

Вперед! Только вперед! Там, впереди, пусть далеко, но все-таки должен быть конец тоннеля. Не может же он вести в никуда? Сколько еще шагать?

Воды... Хотя бы глоток воды!

Фредерико еле передвигает ноги. Из воспаленных, почти ничего не видящих глаз старика капля за каплей сочатся горько-соленые слезы и медленно скатываются по иссеченным морщинами щекам, падают на старенькое пончо, на серый пружинящий настил пола. Он бредет, ничего больше не замечая вокруг себя, и считает вслух шаги вслед за внуком:

– Десять... Сто... Пятьсот... Тысяча...

Тяжелый вздох. Слабое бормотание. Но слов разобрать нельзя.

Падает под ноги пустой мешок. Гремит в нем ненужный теперь котелок. Пить... Как хочется пить... Но даже сказать об этом внуку у него нет больше сил.

---

¹³ [13] Мачете – широкий полуметровый обоюдоострый нож.

– Клянусь Ничончауком ¹⁴ девятой короной великого панчен-ламы ¹⁵ едва шевеля губами, шепчет Фредерико, в который уже раз опускаясь на дрожащие колени, – не иначе это злой мандинг завел нас сюда... Ты слышишь, Роберто? Это он, трижды проклятый мандинг, терзает наши измученные души, хочет вдоволь посмеяться над нами, похитить наши души, отнять у нас разум...

Дед с трудом поднялся на ноги, молитвенно поднял руки.

– О великий Виракоча! Могущественный и солнцеликий! – прохрипел задыхаясь. – Заклинаю тебя сияющим солнцем твоего лика, спаси нас от злых замыслов мандинга! Спаси от дурманящих чар! Сделай так, чтобы оглохли мои уши, чтобы не слышали они радостные всплески воды в этой мертвой и сухой каменной трубе, ведущей в мандингово пекло... Дьявол отнял уже у меня глаза, будь трижды проклято все, что его породило! Помоги же, Виракоча, сохранить нам хотя бы разум!

Последние силы покинули старика. Руки безвольно упали, он покачнулся и, потеряв сознание, повалился на пружинящее серое полотно дороги.

“Ручей! Ему тоже чудится журчание ручья!”

Эта мысль обожгла Роберто.

Склонившись над неподвижным телом Фредерико, Роберто приложил ухо к груди деда и услышал слабые удары сердца. И сейчас же острый слух его уловил другой тихий звук: здесь, у самого настила, ясно слышалось переливчатое журчание воды!

Как он мог сомневаться! Тоннель шел под уклон.

И как в каждом подобном тоннеле, под его настилом обязательно должен находиться дренаж, по которому стекает вода.

– Сейчас, дедушка, сейчас!

Теперь он знал, что делать. Положив под голову Фредерико свой мешок, расстегнув ему ворот рубахи, юноша схватил за отполированную рукоятку подарок Великого Белого Ирбиса, распрямился и со всего размаха ударил острым концом обушка по пружинящему настилу.

Удар... Еще удар... Еще!

Из-под обушка сыпятся искры. Настил дрожит, поддается. На его серой поверхности появляется светлая отметина, затем вторая, третья. Роберто бьет точно в одно место. Вот уже и откололся кусочек... Вот еще один! Кажется, в настиле появляется трещина.

Юноша вкладывает в очередной удар всю крепость своих мышц.

Он не сразу понял, что произошло. Неведомая, неотвратимая сила рванула у него из рук тяжелый обушок и подбросила вверх, к высокому своду. Что-то звякнуло там, сверкнуло яркой молнией, загрохотало оглушающе и раскатисто. Тоннель осветился оранжевым, а через несколько секунд – ярко-красным сиянием. Обушок упал на настил у противоположной стороны тоннеля, рядом с правой нишей. Роберто хотел перескочить через темный выступ, разделяющий настил тоннеля на две дорожки, чтобы поднять обушок, но все та же неведомая сила мягко толкнула его раз и другой, оттесняя к правой нише. От неожиданности он споткнулся о ноги деда и упал рядом с ним. А потом, перевалив на себя безжизненное тело, пополз к нише, уложил в ней Фредерико, положив ему под голову свое пончо, а сам встал, оглядываясь по сторонам, стараясь взять себя в руки, успокоиться, осознать, что происходит вокруг них.

Свет в тоннеле из красного превратился в темно-малиновый, потом – в фиолетовый. Собственно, это был уже даже не свет, а глубокие сумерки, стгуцающиеся с каждой секундой. Словно стая голодных койотов, на непередаваемо высоких нотах где-то далеко завывали сирены. Оттуда же, из темно-фиолетового марева впереди, послышалось жуткое шипение. Вспыхнули,

---

¹⁴ [14] Ничончаук – Сын Грома (*индейск.*).

¹⁵ [15] Панчен-лама – титул одного из самых высших духовных лиц в ламаистской церкви.

рассыпая искры, три зеленых выпученных глаза, и что-то огромное, грозное, непонятное стало быстро надвигаться на Роберто, заполняя собой все пространство тоннеля.

Юноша хотел выглянуть из-за ниши, чтобы получше рассмотреть приближающееся грозно шипящее страшилище, но все та же неведомая сила отодвинула его назад, в свободное пространство ниши, за невидимую грань боковой стены тоннеля.

Чудовище между тем приближалось, но шипение, издаваемое им, стало мягче. А когда его огромная светлая масса, заполнившая почти все пространство тоннеля, поравнялась с нишей, шипение прекратилось вовсе. И в тот же миг подземный тепловоз или электровоз, – Роберто уже понял, что это вовсе не живое существо и не сказочный огнедышащий змей, а пусть необычная, но все же машина, – плавно осел на темный выступ, разделяющий основание тоннеля и остановился, будто обхватив темный выступ с обеих сторон своими массивными округлыми боками.

Носовая сферическая часть машины с большим выпуклым стеклом впереди, окаймленным широким ободом, почти достигала свода. На ободе сверху и по бокам крепились три глаза-прожектора. Сзади, в средней части, сфера плавно переходила в удлиненную пятиметровую седловину, чтобы затем снова так же плавно подняться вверх и образовать вторую сферу, размер которой был, примерно, вдвое меньше первой. Среднюю часть седловины опоясывала ажурная решетка, напоминающая лестницу. Светлые даже в полутьме бока машины, сжимающие средний выступ тоннеля, почти касались настила, не оставляя места для прохода.

Роберто хотел было протянуть руку и пощупать, погладить эти глянцево-светлые бока, разделенные на метровые части поперечными полосами. Но именно в этот момент, как бы читая его мысли и угадывая намерения, зеленые глазницы прожекторов угрожающе зашевелились. Их лучи заметались по своду и настилу тоннеля, словно разыскивая что-то.

Инстинктивно юноша еще сильнее вжался в стену ниши, коснувшись затылком верхней части левого серебристого конуса. Он весь напрягся от волнения, видя, как зеленые лучи скрестились и замерли на той самой точке настила, которую он еще несколько секунд назад с отчаянием обреченного бил тяжелым обушком. Над этим местом призрачно колебались в зеленых лучах волны не то воздуха, не то пара, излучая теплоту, которая явственно ощущалась даже здесь, в глубине ниши.

Что-то щелкнуло и заурчало внутри машины. В боковой части передней сферы, почти напротив Роберто, открылось небольшое овальное отверстие, из которого стала медленно выползать металлическая рука. В передней части ее, словно живые, конвульсивно сжимались и разжимались шесть одинаково больших пальцев-захватов. Да и сама рука, вытягиваясь все больше, сгибалась в местах частых шарообразных утолщений, извивалась, опускаясь все ниже и ниже к нише.

С противоположной – невидимой стороны сферы показалась вторая точно такая же рука. Устрашающе шевеля крючковатыми пальцами, она потянулась прямо к нише...

Роберто зажмурился, представив на миг, как жадные крючковатые пальцы-клещи хватают его за горло, и непроизвольно дернул головой, снова ударившись о серебристый конус.

Что-то больно толкнуло его в спину. Он покачнулся, открыл глаза и увидел...

– О-о-го-го-о-о!

Ликующий крик аймара разнесся далеко по тоннелю. В один миг Роберто понял все: машина ремонтировала настил! Сама! Без чьей бы то ни было помощи!

Правая ее рука цепко держала своими крючковатыми пальцами гибкий шланг, тянувшийся от одного из боковых отсеков, крышка которого была приподнята, будто капот над мотором автомобиля. Вторая рука в том месте, где Роберто недавно стучал обушком, прижимала к настилу ровный тонкий квадрат серого цвета, напоминающий кусок шифера, каким крыли крыши своих домов богатые гачупины в долине. Из шланга, будто из крана вода, разбрызгивая фонтанчики зеленых искр, текло на настил голубоватое пламя. В его сиянии Роберто увидел,

как из верхней части задней сферы машины к своду тоннеля потянулись еще две металлические руки. В крючковатых пальцах одной из них был зажат тонкий, похожий на карандаш, продолговатый золотистый предмет, за которым тянулся такой же тонкий темный шланг.

Секунда... Вторая... Третья... Сноп золотисто-белых искр фейерверком рассыпался под сводом. А еще через мгновение тоннель заискрился под ярким светом. Прекратился и поток голубого пламени из нижнего шланга. Дернувшись раз-другой, шланг медленно уполз обратно в свой отсек. Крышка отсека, напоминающая капот над мотором автомобиля, бесшумно закрылась за ним.

А затем спрятались, втянувшись в свои овальные окошки, все четыре руки-труженицы. Только розовел еще кусок раскаленного настила да поперек светильника легла тонкая, почти незаметная, темная полоска заваренного шва.

Все было по-прежнему, как несколько минут назад.

Все – и машина. Загадочная, безмолвная, она неподвижно стояла, загораживая своей светлой массой проход в тоннеле. Проектора ее потухли. Обод вокруг переднего стекла и поперечные полосы на боках перестали фосфоресцировать.

Конечно, можно было, согнувшись, пройти вперед по одному из ее широких боков-отсеков. Но что делать дальше? Дед ведь так и не пришел до сих пор в сознание. А самое главное – им нужна вода...

Где, как добыть ее?... Хотя бы пару глоточков для деда.

Юноша вдруг почувствовал, что плечо его натолкнулось на какой-то жесткий выступ, которого раньше не было, он хорошо это помнил, на гладкой белоснежной поверхности ниши. Роберто посмотрел, что бы это могло быть, и замер в немом изумлении, не веря своим глазам. Вместо серебристого прямоугольника на белоснежной стене ниши темнело таких же размеров окошко. А на выдвинутой под ним полочке, – она-то, видимо, раскрываясь, и толкнула его в спину, – на полочке стояла... хрустальная, в чудесных узорах колба, наполненная прозрачной, чуть желтоватой жидкостью, на поверхности которой, пенясь, лопались мельчайшие пузырьки.

По телу Роберто волною прошел озноб. Плечи его вздрогнули. Кончиком шершавого языка он провел по пересохшим губам. К горлу снова подступила тошнота. Задрожали колени. Тело покрылось липкой испариной.

В глазах появились темные круги. Что-то зазвенело в отдалении, наполняя голову протяжным и печальным звоном.

“Что это? Мираж? Новая галлюцинация?... Неужели это спасение?!”

Дрожащими руками он дотронулся до колбы, ощутив с облегчением ее прохладную реальность. Потом осторожно взял колбу в обе руки, поднес к лицу. Знакомый с далекого детства аромат апельсинового сока с примесью чего-то еще неуловимого, но щекочуще приятного ударил ему в ноздри. Потеряв всякую осторожность, Роберто поднес горлышко колбы к пересохшим губам и жадно глотнул раз и другой чуть сладковатую и немного терпкую жидкость. Потом опомнился, вышел из ниши и уселся на бок машины. Он даже не заметил, что неведомая сила-охранительница теперь не препятствовала ему выйти за рамки ниши.

“Дать попить дедушке? Или подождать? Вдруг эта жидкость – яд?”

В нем опять заговорил осторожный индеец. Он глотнул из колбы еще, потом еще и еще раз, опорожнив хрустальный сосуд почти наполовину. Если его опасения окажутся верными, пусть лучше он погибнет первым.

По телу разлилась приятная истома. Легче и как-то яснее стала голова.

И вдруг Роберто пружинисто вскочил на ноги.

“Как тебе не стыдно, паршивый койот! – мысленно выругал он себя. – Хитришь, словно скаредный жрец у постели умирающего, стараясь выманить у его родных побольше песо за лечение и молитвы. Боишься, что не сможешь получить еще одну такую же полную колбу! Хочешь обмануть, перехитрить свою совесть, самого себя и наслаждаешься напитком, когда

дед твой рядом умирает от жажды! Ну кто, кто додумался бы всыпать отраву в это ни с чем не сравнимое чудо?!”

Он решительно шагнул вперед, наклонился, осторожно приподнял голову Фредерико и тихонько вылил ему в рот все до последней капли. Затем встал, машинально поставил колбу на полочку и с изумлением увидел, как она мгновенно исчезла. Вместо темного окошка на стене ниши вновь таинственно поблескивал серебром все тот же прямоугольник.

Дед повернулся на бок, поджал ноги под себя. Щеки его порозовели, дыхание стало ровным. Обморок кончился. Теперь он крепко спал в своей привычной позе, иногда почмокивая губами и что-то бормоча сквозь сон. Роберто же напряженно, до боли в глазах, вглядывался в серебристый прямоугольник, в такой же сверкающий конус, напоминающий хрустальную колбу, усеянный рядами разноцветных пятнышек.

Теперь он твердо знал, что за левой серебристой пластинкой прямоугольника – их надежда на спасение, их жизнь. Надо непременно разгадать эту первую и, конечно же, не последнюю тайну сказочного и вместе с тем совершенно реального подземного царства. Иначе им ни за что не выбраться отсюда.

Он легонько провел ладонью сверху вниз по пестрому разноцветью и с радостью увидел, что одно из пятнышек – второе слева в верхнем ряду – вспыхнуло и засветилось яркой звездочкой. Но через мгновение оно так же неожиданно погасло.

Ничего, ровно ничего не произошло. Серебристый прямоугольник по-прежнему оставался на своем месте, хотя Роберто всем сердцем чувствовал, что разгадка его близка, что она совсем рядом.

Юноша хорошо понимал, что та, первая удача – результат счастливого стечения обстоятельств, неправдоподобно счастливой случайности. Он был совершенно уверен, что возможность получить из окошка хрустальную колбу, наполненную живительным, спасительным для них соком, связана с этими пестрыми пятнышками, с системой и последовательностью их подключения.

Но пятнышек было много, а какое за каким можно и нужно подключать, как это делать – об этом, пожалуй, узнаешь, только перепробовав все варианты.

И он испытает их все до одного, сколько бы их там ни было.

Впрочем, была еще одна возможность – воспроизвести, повторить свое поведение в нише в тот момент, когда к ней подходила ремонтная машина. Надежды на успех, конечно, мало, но все же... Попробовать, во всяком случае, надо.

Он встал спиной к белоснежной стене, потом прижался к левому серебристому прямоугольнику и, повернув голову, посмотрел назад. Плечи его достигали средних рядов пятнышек на конусе. Он сильно надавил на них спиной, но... ничего не изменилось.

Повернувшись, Роберто протянул руку и нажал на третье слева пятнышко в верхнем ряду, рядом с тем, что уже загоралось. И сейчас же оно тоже вспыхнуло, заискрилось радужно звездным светом и... погасло.

Роберто напряг память.

Он явственно представил себе, как зашевелились, закрутились в дикой пляске зеленые прожектора на машине, как прижался он всем телом к белой стене, стараясь вжаться в нее, стать невидимым, незаметным... Потом из передней сферы потянулась, шелковая крючковатыми пальцами, извивающаяся ищущая рука...

Ну конечно! Именно в этот миг он еще плотнее прижался к стене, коснулся головой до...
“До чего?”

Он понимал – это было очень важно, знать точно, куда в тот момент пришелся его легкий удар головой.

Став спиной к стене ниши, Роберто поднял руки на уровень затылка и, не убирая их, осторожно повернулся к нише лицом. Пальцы рук касались верхней части конуса, в срезе кото-

рого, окаймленном тонкими серыми полосками, находились три пятнышка величиной с песчинку – синее, желтое и зеленое. Не колеблясь, Роберто нажал среднее из них, и оно мгновенно откликнулось на призыв яркой вспышкой.

Но и на этот раз опять ничего не произошло. Серебристый прямоугольник упорно продолжал хранить свою тайну.

Роберто вновь стал спиной к белой стене. Опять медленно поднял обе руки на уровень затылка и тут же вспомнил, как вслед за первой металлической рукой с крючковатыми пальцами из машины стала выползать вторая...

В тот страшный миг, – это Роберто и сейчас видел и чувствовал, словно наяву, – в тот миг он зажмурил глаза и мысленно представил, как омерзительно щелкающие щупальцы хватают его за шею... И он снова, как тогда, непроизвольно отдернул назад голову. Затылок коснулся большого красного пятна под серой полоской среза. Юноша быстро повернулся и успел заметить красную вспышку.

Он хотел было вторично, теперь уже пальцем нажать на большое красное пятнышко, но именно в этот момент что-то щелкнуло там, за белоснежной стеной, словно взводимый курок старого кольта. Серебристый прямоугольник моментально разделился на две поперечные створки, исчезнувшие в невидимых пазах белой облицовки, а из основания образовавшегося темного окошка бесшумно выдвинулась полочка, на которой стояла уже знакомая Роберто колба. Только рисунок ее узора на хрустале был несколько иным, а жидкость внутри – совершенно прозрачна.

– О-о-го-го-о-о! – снова разнесся далеко по тоннелю ликующий крик.

Руки Роберто теперь не дрожали. Спокойно взяв колбу, он осушил ее до дна и восторженно причмокнул языком. В колбе была вода. Обыкновенная вода, чуть солоноватая, со слабым запахом хлорки.

Поставив пустую колбу на полочку, проследив и так и не углядев, как она исчезает, точно растворяется, в глубине темного окошка, Роберто повторил свои манипуляции с пятнышками, нажав при этом в первом верхнем ряду только на одно, второе слева.

В появившейся колбе оказалась обыкновенная ключевая вода с едва уловимым запахом хлора. Солоноватый привкус исчез.

Громкий, протяжный, исполненный неописуемой радости и счастья крик разбудил Фредерико.

– Что случилось, мой мальчик? – испуганно спросил он, приподнимаясь и протирая кулаком глаза. – Мне только что привиделось, что я испил божественной влаги и...

– Не привиделось, дедушка, нет! Вы действительно пили во сне волшебный нектар. Вот, попробуйте еще!

И Роберто протянул изумленному Фредерико хрустальный сосуд, наполненный ключевой водой.

– Пей, дедушка, пей сколько хочешь! Воды теперь у нас с тобой вдоволь.

Забрав у Фредерико пустую колбу, поставив ее на полочку, Роберто стал снова нажимать пальцами на пятнышки, и они послушно отвечали ему яркими вспышками. На этот раз он выбрал сначала первое во втором ряду и третье, зеленое, внутри среза. Надавив на большое красное, он ровно через пять секунд получил колбу, наполненную... крепким горячим кофе.

Время шло, а они все сидели у ниши, утоляя жажду, пробуя один напиток за другим.

Юноша теперь понимал, что ряды пятнышек – не что иное, как указатель выбора заказываемого напитка. А возможность выбора была очень солидной. Правда, первый ряд выдавал только воду: совершенно безвкусную, когда нажать первое слева в ряду пятнышко; ключевую с запахом хлорки – при одновременном нажатии первого и второго; чуть подсоленную.

Зато следующий ряд, помимо кофе, выдавал чай, какао, коровье и кокосовое молоко. Их можно было получить в любой пропорции.

Жидкость в колбах, получаемая при нажатии пятнышек третьего ряда, на вид казалась прозрачной, но ее никак нельзя было назвать водой. Она пузырилась, играла и была то горьковато-соленой, то солоновато-кислой, то с сильным запахом тухлых яиц или серы, то отдавала морскими водорослями или тиной.

Следующие два ряда пятнышек вызвали бурный восторг и у Роберто, и у Фредерико: в колбах был сок манго, апельсиновый, виноградный, лимонный, абрикосовый, яблочный, томатный, сливовый, гранатовый... Последняя кнопка справа в пятом ряду преподнесла еще один сюрприз: в колбе был кумыс! И все это великолепное разнообразие тоже можно было получить в любой смеси и пропорции. Ну, а последние три ряда пятнышек их и обрадовали, и удивили одновременно. При нажатии пятнышек шестого ряда в колбах выдавался бульон из мяса различных животных – говяжьего, бараньего, свиного, оленьего и еще какого-то; седьмого – колба издавала аромат вареной рыбы, а в восьмом ряду бульон был из птицы, хотя и трудно было определить, из какой. Тем не менее, приправленные специями, кореньями, травами, ароматные и питательные, они были все очень вкусны и наконец окончательно утолили жажду и частично голод обоих подземных пленников.

– Эх, хотя бы кусочек засохшей лепешки сюда! – сокрушался дед. – Посмотри, Роберто, у меня в мешке. Там на дне должен быть маленький сухарик. Берег его для тебя... Да и котелки достань. Оба. И флягу. Надо обязательно взять с собой и воды, и бульона в дорогу. Кто знает, встретим ли мы по пути еще один такой благодатный и щедрый родник...

Совет был дельным. Однако сколько Роберто ни искал, мешка деда, как и своего, найти не смог. Не было возле противоположной ниши и тяжелого обушка Великого Белого Ирбиса. Осознав наконец всю бесполезность дальнейших поисков, Роберто в растерянности остановился перед загадочной машиной.

“Может быть, ее ловкие руки просто убрали с дороги посторонние предметы и спрятали их?”

Юноша решительно поднялся на широкий боковой выступ, чтобы через выпуклое переднее стекло заглянуть вовнутрь машины. Взявшись за короткую круглую штангу, на которой крепился боковой прожектор, он осторожно наклонился, вытянул шею и... резко отпрянул в сторону.

Из-за толстого стекла огромными раскосыми глазами на него смотрел лохматый черно-волосый человек, вернее, его голова с вытянутым вперед, необыкновенно длинным носом и большим, уродливо приплюснутым лбом.

Из-за тонких светлых стенок машины не доносилось ни звука. Загадочная, омертвевшая, она стояла все так же неподвижно, будто древняя скала Ау неподалеку от входа в пещеру, от которой начинался подземный тоннель. Если бы Роберто всего час-полтора назад своими глазами не видел ее в движении, он никогда не поверил бы, что машина может мчаться по тоннелю, словно разъяренный дракон, извергать пламя, вытягивать вверх и вперед свои руки-щупальцы.

Неужели за этими тонкими стенами кто-то есть? Тогда почему этот кто-то прячется от них, почему не выходит, не поможет им, не объяснит наконец, куда ведет этот бесконечный тоннель?

А может быть, он просто боится их?...

Роберто ждал почти час. Преодолев страх, он снова поднялся на боковой выступ и заглянул в выпуклое стекло машины. Он делал это медленно, осторожно.

И с такой же медлительной осторожностью навстречу ему выдвигалась за стеклом уродливо приплюснутая голова.

Странно, но теперь Роберто не испугало ее появление. Черты ее безобразного лица напоминали ему кого-то, хотя чем больше приближал юноша свое лицо к стеклу, тем шире, уродливее становилась голова за стеклом. Удлинялись зрачки застывших в напряжении глаз,

искривлялся в гримасе огромный рот. Даже волосы, темные и гладкие, как у самого Роберто, изогнулись возле подбородка в причудливый ореол.

Юноша невольно дотронулся правой рукой до своих волос и с удивлением заметил, что уродина за стеклом одновременно сделала то же самое. И еще он заметил, что на запястье ее неправдоподобно широкой правой руки сверкнул циферблат часов. Таких же, как у него, Роберто. Только намного больших размеров. Секундная стрелка на циферблате двигалась справа налево. Робкая догадка затеплилась где-то в глубине сознания юноши. Он тут же проверил ее, закрыв сначала левый, а потом правый глаз и одновременно дважды высунув изо рта кончик языка.

Сомнений больше не осталось. Помахав рукой кому-то там, в машине, Роберто спрыгнул с выступа и тихонько засмеялся.

– Что там? – спросил его Фредерико.

Он лежал в нише на стареньком своем пончо в приятной полудремоте, почти успокоенный, отдохнувший и какой-то просветленный.

– Зеркало, – спокойно ответил внук. – Большое выгнутое зеркало и толстое выпуклое стекло. Вместе так искажают отражение, что самого себя узнать невозможно, – опять тихо засмеялся он.

– Ты достал из мешка котелки и флягу? – напомнил ему дед. – Пора бы нам двигаться дальше... Если верить преданиям, то тоннель этот ведет прямо к морю. А путь туда совсем неблизкий. От озера по прямой не меньше трехсот километров будет... Мы же с тобой за сутки и десятой его части не одолели. А с нас теперь спрос особый. Мы стали кем-то вроде печальных герольдов, – в раздумье проговорил он. – И страшную эту весть должны донести до всех людей...

– Кем, кем? – не понял Роберто.

– Герольд – это вестник, глашатай могущественного бога Христа, которому подчиняется даже сам великий солнцеликий Виракоча. Так учил меня монах Антонио... Теперь я понимаю, что он был прав. Этот бог подал нам знак о грозящей опасности. Он сделал нас герольдами, чтобы мы передали печальную весть людям... Пусть они все спокойно готовятся без страха перейти в мир иной, пусть замолят перед господом грехи свои...

Роберто не стал дальше слушать молитвенных причитаний деда. Он твердо знал, что дело тут вовсе не в боге, а в чем-то реально великом, подчиненном могучему разуму, что разум этот где-то совсем рядом и нужно как можно быстрее найти к нему путь. Возможно, еще не поздно, может быть, этот сильный и добрый разум поможет людям найти путь к спасению, сделать так, чтобы не разорвалась голубая земля на кусочки, не запылала огромным костром. В одном дед прав: надо спешить, надо двигаться вперед.

Самым тщательным образом он еще раз оглядел все вокруг.

“В самом деле, куда могли подеваться мешки? И обушок?...”

Он снова поднялся на широкий светлый выступ машины и пошел вдоль ее кузова, стараясь отыскать в нем хоть маленькую щелку. Возле ажурной решетки, опоясывающей седловину, Роберто остановился.

“Не забраться ли мне на верх седловины?... Что, если там находится входной люк, куда механические руки вполне могли забросить и оба мешочка, и обушок?...”

Юноша легко дотянулся до верхнего переплета ажурной решетки, ухватился за него руками, чтобы сильным рывком подтянуться и бросить тело вверх, на седловину, но совсем неожиданно для него решетка под его тяжестью вместе с частью стены кузова плавно пошла вниз, открывая довольно широкий проход. В то же мгновение внутри машина осветилась спокойным ровным светом. В лицо Роберто пахнуло влажным прохладным воздухом.

На внутренней площадке машины, сразу за входом, лежали оба их мешка и обушок.

Заглянув вовнутрь, справа от себя, в центре нижней части большой сферы Роберто увидел три кресла. Мягкие сидения каждого из них крепились к довольно толстым металлическим трубам, которые были как бы цельным нераздельным продолжением пола машины.

Перед креслами на наклонном столике-щите, почти полностью опоясывавшем нижнюю часть сферы, светились какие-то приборы. Стены сферы были гладкими и совершенно белыми. Но сквозь их стерильную белизну хорошо просматривался тоннель – сверкающие прожилки его стен, темный квадратный выступ, который плотно облегалась нижними боковыми выступами машина, светящийся свод... Только сияние его здесь, в машине, не слепило глаза. Оно было как бы нарисованным, как и стены самого тоннеля, хотя четко передавался и рисунок, и цвет, и объем каждой детали.

Полупрозрачными изнутри были и боковые стены кузова, в центре которого стояла длинная тумба-столик, а за ней, с противоположной от входа стороны, такая же длинная тумба поменьше высотой, которая вполне могла служить дорожной постелью.

В малой сфере, как и в большой, перед столиком-щитом с приборами также стояли три мягкие кресла. Среднее было чуть выдвинуто вперед. Роберто сел в него. На столике прямо перед креслом среди кнопок и маленьких рычажков выделялся сравнительно большой рычаг, синяя рукоятка которого очень удобно уместилась в ладони юноши. А прямо перед правой ногой оказалась широкая педаль...

“Попробовать?...” – мелькнула мысль.

Но усилием воли он одолел искушение. Разве можно оставить деда одного? Ведь потяни он рычаг – и эта загадочная громадина вдруг возьмет да и умчится бог знает куда...

Он поднялся с кресла, пошел по машине к выходу. Увидев мешки, развязал один из них, достал обтянутую буйволово́й кожей толстую глиняную флягу и оба металлических солдатских котелка с плотно закрывающимися крышками, неизвестно как и откуда попавшие четверть века назад в дом к Фредерико.

– Слава Виракоче! – радостным возгласом встретил его возвращение дед. – Я уже думал, не мандинг ли снова опутал тебя своими злыми чарами?

Вдвоем с Фредерико они быстро наполнили котелки холодной водой, а флягу – крепким горячим мясным бульоном. Роберто помог старику взобраться на широкий светлый выступ машины и буквально силой втолкнул его в открытый проход.

Они уселись в кресла малой сферы. Здесь, пожалуй, было как-то уютней. Да и путь их лежал вперед, туда, откуда примчалась в минуту смертельной опасности для них обоих эта загадочная машина. Возможно, именно там, впереди, находились те, кто послал ее устранить неисправность, вызванную грубой попыткой Роберто вскрыть настил пола, кто знает... Во всяком случае, позади них – Роберто был в этом совершенно уверен – остался только мертвый тоннель, что вел их в неизвестность под снежными вершинами Анд от такой же безжизненной пещеры у скалы Ау. Даже за стеной ниши – этого воистину благодатнейшего из живительных родников – даже там их страшную ненасытную жажду терпеливо утоляли автоматы. Пусть более совершенные, более исполнительные и точные, чем многочисленные их собратья, стоявшие в их шахтерском поселке вокруг асфальтированного пятачка для танцев и возле входа в административное здание рудника, но все-таки автоматы. Живых людей или очень похожих на них удивительных большеглазых существ, то печальное, то таинственно улыбающееся изображение одного из которых он много раз видел на светящейся торцевой части старинного амулета аймара ни в пройденном ими части тоннеля, ни за белыми нишами не было. Иначе они давно вышли бы из своих укрытий, чтобы помочь двум обессиленным, напуганным таинственностью происходящего, измученным голодом и жаждой путникам.

В том, что большеглазые существа были добры, Роберто не сомневался. Иначе они не стали бы предупреждать людей о грозящей Земле опасности...

Минута проходила за минутой. Всем существом своим ощущал Роберто на запястье левой руки ритмичный и неумолимо безостановочный ход часов молодого кечуа. Надо было на что-то решаться, но каждое новое движение секундной стрелки почему-то все больше сковывало его, вносило непонятное смятение в душу, заставляло то тревожно замирать, то учащенно стучать его сердце.

Он смотрел на многочисленные рычажки и кнопки на столике перед собой и силился осмыслить, догадаться наконец, какая же из них главная, самая нужная сейчас, могущая вдохнуть жизнь в эту изящную и сильную машину, помочь вывести их из каменной ловушки туда, где на чистом голубом небе светит ласковое солнце...

Слева от него в удобном кресле, свободно откинув большую седую голову на высокий мягкий подголовник, неподвижно застыл Фредерико, и сразу трудно было понять – сон это или голодный обморок сморил старика.

Нет, дед теперь ему не советчик. Все надо спокойно обдумать и решить самому за двоих... Решить и сделать. Пусть вся ответственность ляжет на него. И если, не дай бог, что-то случится с ними нехорошее, то виновным перед людьми будет он, молодой аймара, а не убеленный сединами старейшина рода.

Впрочем, какие люди? Кто узнает о них, об их роковой судьбе? Тайна гор уйдет вместе с ними, а помнить о них будут разве что мать с сестренками...

Как там им приходится теперь у чужих людей? Как хотелось бы их увидеть!

Нет, пропадать им нельзя. Люди земли, его мать и сестренки, друзья с рудника, все аймара, все кечуа, те далекие белые гринго из страны победившей свободы, братья освобожденной Кубы – все честные люди земли должны узнать о грозящей беде. Должны! И он не имеет права на ошибку...

Часы на руке – он видел это краем глаза, – отсчитали еще одну минуту. Обе большие стрелки – короткая и длинная – приближались к двенадцати. Вот уже тридцать долгих часов они в тоннеле. Пора что-то делать, пора.

Поднявшись с сидения, Роберто прошел на площадку, где оставил котелки, и плотно закрыл их, проверил зажимы крышек. Потом возвратился в малую сферу, снова уселся в кресло и, наклонившись немного вперед, правой рукой решительно взялся за большую синюю рукоятку. Нога легла на педаль. Сейчас он нажмет ее, потянет рукоятку к себе и... будь что будет!

“Смелее, смелее, парень!” – приказывал он себе, все сильнее нажимая на, синий рычаг. И вдруг резко отдернул руку. Синяя рукоятка не сдвинулась ни на миллиметр. И вместе с тем внутри машины что-то произошло.

Затаив дыхание, Роберто вслушивался в тишину. Да, он не ошибся... Ну конечно же! Вот оно! Опять!

Где-то совсем близко, на этот раз громче, снова зазвучала нежная, мягкая и вместе с тем волнующая мелодия. Неповторимые ритмы ее были ему знакомы. Он уже слышал их однажды... Совсем недавно. Только где?

И сразу же вспомнил – амулет! Амулет Тупак-Амару с добрым большеглазым существом на маленьком экране в торце золотистой пирамидки. Как он мог забыть о нем, открывшем им путь сюда, в это сверкающее подземелье!

Мгновение – и заветная пирамидка уже у него в руках. Да, он не ошибся: знакомые волнующие звуки исходят именно от нее.

– Здравствуй, таинственный незнакомец, – тихо прошептал юноша. – Как своевременно ты всегда идешь нам на помощь.

Повернув к лицу маленький экран, он застыл в изумлении и растерянности. Приветливая улыбка медленно сползала с его губ. Большеглазого человека не было на экране. Вместо него на голубом фоне четко выделялись какие-то рычаги и кнопки...

С напряжением Роберто всматривался в них. Мозг его лихорадочно работал в поисках решения новой непредвиденной задачи.

Что означали эти рычажки, эти бесчисленные разноцветные кнопки? Для чего они? Ну хотя бы вот эта синяя рукоятка?

И в ту же, секунду вздох облегчения вырвался у него из груди: рычажки и кнопки на экране были точно такими, как те, что находились прямо перед ним на чуть наклоненной плоскости столика-щита. Он хотел уже было снова ухватиться за синюю рукоятку, но изображение на экране почему-то ушло вправо от нее и, увеличив коричневый рычажок в нижнем ряду, замерло на нем, словно выжидая.

Роберто встрепнулся. Протянул руку, передвинул рычажок справа налево и одновременно со слабым щелчком услышал скользяще-лязгающий звук за спиной.

Оглянувшись, он увидел, что ажурная решетка, опоясывающая седловину машины, поднялась вверх, плотно закрыв полупрозрачной стенкой проход, которым они с Фредерико вошли сюда. Роберто повернул тот же рычажок вправо, и проход снова открылся. Опять влево – и с характерным лязгающим звуком часть боковой стены кузова снова послушно поднялась вверх, плотно закрыв входной люк.

Изображение на маленьком экране, между тем, передвинулось еще правее. Теперь в центре его была высокая желтая кнопка. Не раздумывая больше, юноша плавно надавил ее указательным пальцем правой руки. На столике-щите это, пожалуй, была единственная кнопка такого цвета.

По машине из конца в конец неслышно пробежал легкий ветерок. В малой сфере сразу как-то посвежело, воздух стал чистым и прохладным. Казалось, что его можно просто пить, и с каждым глотком его благодатная струя, наполняя легкие, все больше вызывала чувство необыкновенной приподнятости, ощущение легкости, полета. Пахло грозой, ароматом душистых трав, хвойным лесом предгорий, раздольем альпийских лугов...

Снова взглянув на торец золотистой пирамидки, Роберто увидел, что изображенные на нем рычажки и кнопки поплыли вниз, одновременно смещаясь влево. Вот уже и самый дальний от него – верхний ряд. Правый край его замыкает довольно большая зеленая кнопка. Она-то и попала точно в центр мерцающего экранчика. Чтобы дотянуться до нее, Роберто пришлось развернуть свое кресло вправо. Кнопка легко поддавалась. Что-то мягко щелкнуло под ней, а кресло Роберто без всяких усилий с его стороны само развернулось в прежнее положение. И в этот миг белые стены полупрозрачной сферы окрасились голубизной. Все больше наполняясь сочностью и яркостью бескрайнего, освещенного солнцем, поднебесья, они одновременно стали как бы расширяться, отдаляться от Роберто и Фредерико.

Дрогнула и покачнулась сфера. Нет, не она!

Роберто почувствовал, что ноги его отделились от пола, и оба кресла, его и Фредерико, одновременно поплыли вверх, расширяя вокруг них сектор обзора. Теперь они как бы парили в воздухе под ярко-голубым небом, и все же в эти секунды Роберто еще знал и видел собственными глазами, что загадочная их машина стоит, как и раньше, на своем прежнем месте в тоннеле, ни на метр не отодвинувшись от ниши, безотказный автомат которой совсем недавно так щедро утолял их жажду.

Он еще раз хотел взглянуть на котелки и флягу – целы ли? – но в это время сферу вновь немного качнуло, накренило влево, и панорама, развернувшаяся прямо под ними, сразу же заставила его забыть и о котелках, и о фляге, и о самой машине, полностью завладев сначала его вниманием, а потом превратив его, Роберто, как бы в непосредственного участника последовавших удивительных – загадочных и вместе с тем понятных событий.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

“Юлия”, как назвала новый тримаран Таня в память об их первом паруснике, взяла старт от давно знакомого причала. Судно доставили туда на рассвете в сопровождении эскорта автомашин и мотоциклов службы безопасности.

– Ну, теперь у нас впереди простор, наконец-то отдохнем от провожатых, – не то в шутку, не то всерьез кивнул Олег Аксенову.

– Да, – согласно подморгнул глазом Андрей Иванович, – теперь вокруг нас не пять, пятьдесят или даже целых сто метров простора, а иногда и больше. От нас самих зависит, – словно специально подзадоривая Олега, добавил он, показывая рукой на выплывающие из утреннего тумана катера.

Их было восемь. Легкие, изящные и довольно вместительные – в каждом находилось по пять-шесть человек команды, – с мощными моторами ЦАГИ, они парами окружили тримаран с четырех сторон. В сопровождении этого почетного эскорта “Юлия” сказочным видением мчалась над гладью Днепра, унося свою команду все дальше и дальше к морю.

Днем яркой стремительной “Юлией” издали любовались пассажиры встречных теплоходов, рыбаки, пляжники. С причалов и речных вокзалов люди приветливо махали кораблю, паруса которого вдруг все разом изменяли свой угол без участия команды, которой не было даже видно на палубе, а то и вовсе исчезали вместе со снастями и мачтами.

Но странный корабль охранялся. Это было понятно и по флагам на корме каждого из сопровождавших его катеров, и по знакам служащих охраны завода, стоявших за их штурвалами. Люди воспринимали это как необходимую, вызванную интересами государства, меру и вполне довольствовались возможностью посмотреть на красавец корабль издали. Гораздо сложнее избежать нелепого столкновения с лодкой, катерком или любознательным пловцом становилось в сумерки и поздним вечером. Появлялось вдруг перед изумленными людьми светящееся чудо, выплывало из темноты, и каждому хотелось тогда увидеть его поближе, получше рассмотреть, потрогать руками. И гребли тогда к тримарану изо всех сил. Но вспыхивали на катерах мощные прожектора, а над рекой из динамиков звучало строгое:

– От фарватера вправо и влево! Идут испытания! Всем, всем, всем! К берегу!

Они начали ходовые испытания, определив тримарану первоначальную скорость в пять узлов. Но уже первые минуты плавания по основному руслу показали, что возможности “Юлии” гораздо выше. На фок-мачте сперва поднялся всего один парус, а через несколько секунд после того, как на фарватере в корму тримарана подул свежий фордевинд ¹⁶, почти половина его сегментов приняла положение “левентих” – то есть раскрылась, стала поперек, пропуская “лишний” для заданной скорости ветер вдоль своих плоскостей.

Олег увеличил показатель заданной скорости сперва до восьми, а затем и до десяти узлов, и лишь тогда только на обеих мачтах расцвел весь букет парусов белых, как крылья чайки, грота; алых, как на сказочной бригантине, топсея, стаксея и кливера; оранжевого, словно диск расплавленного солнца, бизаня.

Система управления кораблем в эти первые часы плавания работала безотказно. Получив от приборов наблюдения через их датчики информацию об очередном изменении окружающей ситуации – перемене ветра, ослаблении или увеличении силы его давления на паруса и всю надводную часть судна, учтя скорость течения, силу сопротивления волны, плотность воды, мгновенно установив оптимальный вариант смещения центра парусности и центра тяжести, блок “ЭВМ-ПРАКТИКА” в доли секунды давал команду на необходимые поправки и изменения, одновременно подключал в слаженную синхронную работу десятки и сотни кибер-

---

¹⁶ [16] Фордевинд – попутный ветер, дующий в корму.

нетических устройств, приспособлений, микродвигателей, автоматических приводов. Судно послушно, быстро откликалось на эти команды, разворачивало под нужным углом паруса, фиксируя их в наиболее благоприятном на данный момент положении. И только на поплавах даже десятиметровые мачты недвижимо покоились в своих пазах. Они пока были не нужны.

– Полную силу эоловых движителей “Юлии” опробуем в море, – мягко, но настойчиво остановил Олега Аксенов, когда тот хотел еще на несколько делений передвинуть вверх фиксатор заданной скорости. Здесь, на фарватере Днепра, сильное превышение скорости парусника по сравнению с привычной для окружающих может привести к беде. Сам видишь, – кивнул он на водную гладь, – любопытных много. Ну откуда им знать, что скорость у нашей “Юлии”, как у крылатого “Метеора”? – снова показал он рукой на Днепр, по сверкающей глади которого мчался встречный корабль на подводных крыльях.

Огромная серебристая торпеда стремительно летела над водой, оставляя за собой пенистый бурун и высокую волну, почти поперек пересекающую русло Днепра от одного его берега к другому. Все, что плыло в этот миг по реке – лодки, катера, баржи, речные трамваи, – что неминуемо должно было соприкоснуться с возникшим вдруг воистину “девятым валом”, торопливо разворачивалось, становясь носом к волне. Все, кроме тримарана.

“Юлия” не изменила курса. Что-то защелкало в ее электронной начинке, где-то далеко тонко запели невидимые моторчики, и в тот же миг задняя штанга, держащая левый поплавок, вытянулась на восемь метров вперед – до отказа, а передняя – на пять метров. Сам же поплавок, накренившись на полных девяносто градусов на правый борт, нацелился прямо в набегавшую волну тяжелым килем. И эта в секунды созданная искусственная преграда не только защитила тримаран от удара, но и мгновенно сломала, погасила волну. Средняя часть судна и правый поплавок спокойно прошли над ее остатками.

– Здорово! – невольно вырвалось у восхищенной Татьяны. – Правда, Андрей Иванович?

Аксенов не ответил, думая о чем-то своем, молча глядя на маленькие лодочки, что совсем рядом под их килем ловко скакали с волны на волну, не то в шутку, не то всерьез грозя веслами и сжатыми кулаками промчавшейся мимо серебристой сигаре. И вдруг его словно что-то толкнуло.

– Послушай, Олег Викторович, – в первый раз назвал он своего ученика по имени-отчеству, – нельзя ли такую штуку придумать, чтобы “Юлия” останавливалась сама при нежелательной встрече, а точнее – при угрозе столкновения с человеком, лодкой, бревном или, скажем, с льдиной, словом, с тем, что держится над водой, на ее поверхности и неожиданно попадает в опасную зону перед судном?

– И не только на поверхности, – вмешалась в разговор Таня. – Под водой возле киля тоже. Чтoб какой-нибудь увлекшийся аквалангист-подводник не получил удар в голову.

– Пусть и под водой, – охотно согласился Андрей Иванович. – Главное, чтобы судно могло мгновенно остановиться или изменить курс, чтобы не случилось по нашему недосмотру и людскому неведению какой беды.

Олег согласно кивнул головой.

– Я вас понял, Андрей Иванович. И тебя, Танюша, тоже, – улыбнулся он ей, давая улыбкой понять, что случай с увлекшимся аквалангистом и удар в голову легким килем первой “Юлии” он помнит очень хорошо. – Я согласен с вами обоими. Не только можно, но и нужно, обязательно нужно усилить безопасность движения тримарана, как для экипажа, так и для окружающих. Непременно сделаем это, когда вернемся домой.

Часами сидели они все вместе в рубке наблюдения, что на метр возвышалась над палубой впереди фок-мачты. Ее прозрачный пластиковый купол, защищенный от солнца тонкой зеркальной пленкой, позволял любоваться красотой проплывающих мимо берегов, ясным безоблачным небом, в котором то плавно парили за кормой корабля, то стрелой уносились в голубую высь белые чайки.

Деловито перемигивались крохотные лампочки в маленьких каютах-глазках на широкой панели ручного щита управления и контроля, а внизу, под рубкой, в зеленых пластиковых ящиках, установленных по центру носовой и средней части гондолы, выполняя команды ЭВМ, щелкали послушные реле и фиксаторы и сразу же, синхронно подчиняясь им, начинали работать механизмы блока “ПРАКТИКА” – включались реостаты, плавно двигались тросы и тротики, вращались колесики блоков, срабатывали микроэлектромагниты, а затем разворачивались паруса, подставляя свои плоскости ветру.

Здесь, на Днепре, они не рискнули сразу полностью отдать управление судном автоматам. Берега реки часто изгибались, ее фарватер каждую сотню метров менял направление, что на первых порах требовало постоянного вмешательства человека в управление кораблем.

На “Юлии” их было два, а если точнее, то даже три вида. Весельные, которые всерьез в расчет не брались, парусные, подчиняющиеся силе ветра, и механические, приходящие в движение от трех моторов, расположенных в кормовой части гондолы и поплавков. Соединенные со всей автоматизированной системой управления блока “ЭВМ-ПРАКТИКА”, они имели самостоятельные источники питания, запасы которого были рассчитаны на три тысячи километров пути. Энергия же малогабаритных водородных реакторов гондолы и поплавков была в основном рассчитана для обеспечения работы механизмов системы управления и жизнеобеспечения, хотя при необходимости ее вполне бы хватило для работы всех моторов.

– Выйдем в море, – в который уже раз мечтательно повторял Аксенов, и глаза его начинали как-то по-особому блестеть, – опробуем одновременно мощь всех движителей. Думаю, узлов до тридцати выжмем из этой посудинки... Как считаешь, капитан? – спрашивал он Олега, и в голосе его слышалась нотка мечтательности, неодолимого желания во что бы то ни стало добиться почти нереального. – Там простор, крепкий ветер... Часами курс менять не надо. Всем тогда личного времени хватит. И почитать, и поразмыслить можно, и фильм хороший посмотреть, и рыбку половить. Ты иди пока, отдыхай, – отправлял он Олега в кубрик, где в это время готовила ужин Таня. – Ночью-то тебе больше бодрствовать придется. Я могу ненадолго и буй проворонить, – он настойчиво выпроводил Олега из рубки наблюдения, чтобы дать молодежи возможность побыть вдвоем.

Отношения между Таней и Олегом в эти первые дни на тримаране, как ни странно, вдруг усложнились. В ее привычную манеру общения с ним как-то сами собой вкрались нотки почти-почтительности. В какой-то степени оправдались первоначальные опасения Олега: несколько раз еще там, в зимнем бассейне Института кибернетики, в период оснащения тримарана она неожиданно для самой себя называла его по имени и отчеству или вдруг, робея, запинаясь, отвечала на его обычные вопросы, словно спрашивал ее не Олег, а старый университетский профессор. Ей почему-то было неловко от того, что совсем еще недавно – каких-нибудь десять месяцев назад – она запросто командовала этим замечательным парнем, с мнением которого и тогда уже считались видные ученые, руководители предприятий и министерств.

Тем не менее она любила, – уже это-то Таня хорошо знала, – любила, вернее продолжала любить именно того, ее Олега, вынырнувшего так неожиданно в самом центре Русановского залива. Сейчас, на Днепре, он был почти такой же, каким узнала и полюбила она его минувшим летом. Полюбила сразу и навсегда, безраздельно соединив мысленно свою жизнь с его жизнью.

Здесь, на тримаране, это снова был ее Олечка веселый, сильный, жизнерадостный парень, полный энергии и мальчишеского задора, отчаянно смелый и покоряюще робкий.

Но именно здесь, на скользящем по темной глади Днепра тримаране, она впервые увидела его за работой. Нет, таким она никогда не знала его. Это был совершенно другой парень – сосредоточенный, отрешенный от всего окружающего, полностью ушедший в себя, в свои расчеты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.